

АЛЕКСАНДР БАСОВ

Союз Верных. Энгельбрук

ИЗ ЦИКЛА «ПОТУСКНЕВШАЯ
ЖЕМЧУЖИНА»

Александр Басов

**Союз Верных.
Энгельбрук. из цикла
«Потускневшая жемчужина»**

«Издательские решения»

Басов А.

Союз Верных. Энгельбрук. из цикла «Потускневшая жемчужина» /
А. Басов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748499-6

Вы когда-нибудь бывали в Энгельбруке, столице Западного герцогства? Обязательно там побывайте. Если вы не любовались дивными видами герцогского дворца под названием Ангельский Мост, то вы совсем ничего не видели в этой жизни. Только по вечерам не выходите за пределы городских стен. Там с некоторых пор стали твориться страшные вещи... Главный герой книги — сержант городской стражи Энгельбрука по имени Ладвиг, ведёт расследование загадочных убийств, которые стали происходить в окрестностях города.

ISBN 978-5-44-748499-6

© Басов А.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

46

Союз Верных. Энгельбрук

из цикла «Потускневшая жемчужина»

Александр Басов

© Александр Басов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Горячий ветер, тщетно пытавшийся сорвать с флагштоков знамёна, хлестал песком в начищенные до блеска доспехи рыцарей, словно хотел отполировать их ещё сильнее. Лучи заходящего солнца постепенно приобрели кровавый оттенок, придав зловещий вид закованным в броню людям. Разгорячённые кони в нетерпении взрывали песок копытами, готовясь нести всадников в бой.

– Мой господин, они выбрали, чем будут сражаться и уже выставили своего бойца.

– Наконец-то. Я уже устал ждать. Подай мне оружие.

– Они выбрали сшибку на боевых копьях. У вас нет соответствующей экипировки...

– Ты же знаешь, что я презираю турнирный шлем. Недаром его называют неблагозвучным прозвищем «жабий рот». Такой шлем – удел трусов, избегающих смотреть сопернику прямо в глаза. Выше голову! Не пристало оруженосцу провожать своего рыцаря в бой с таким выражением лица! На всё воля Богов. Я, как обычно, верю им свою судьбу...

– Сержант! Сержант! – Кричавший не стал дожидаться ответа и заколотил в дверь кулаком. – Срочный вызов!

Ладвиг тихо ругнулся и откинул одеяло. Он легко подбросил своё молодое мускулистое тело в воздух, едва коснувшись плечом пола, сделал перекат и поднялся на ноги уже возле оконного проёма. Разноцветные стёклышки, из которых было набрано окно, даже днём пропускали не слишком много света. Ладвиг тихонько приоткрыл створку и, стараясь не слишком высовываться, выглянул наружу. Отыскав на тёмном небе Дозорную звезду, он прикинул, как высоко она успела взойти над крышей дома, что на противоположной стороне улицы. Началось время Третьей стражи – до рассвета было ещё далеко. Чтобы увидеть посланца, сержант скосил глаза вправо, но кроме мельтешения теней на первом этаже возле входной двери, ничего разглядеть не смог.

– Эй, гонец, – крикнул он, начиная сомневаться в полномочиях посланца, – выйди на свет!

Тень на крыльце не ответила, а двинулась в сторону ближайшего фонаря, едва освещавшего крохотный пятачок мостовой. По камням зацокали копыта, и следом за человеком в круг бледного света ступила лошадь. Дело, видно и вправду было спешным – по пустякам стражников не снимали прямо с дежурства. А этого ещё и лошадью снабдили для скорости.

– Какого дьявола? – Нарочито зевая, спросил Ладвиг. – Я не слышал, чтобы объявляли тревогу.

– У меня приказ! – Со значением сообщил посыльный. – Велено явиться в караульную башню возле Южных ворот.

– Кем велено? Моё дело обучать стражу приёмам обращения с клинковым оружием, а не стоять в карауле.

Жизнь приучила его быть готовым ко всяким неожиданностям в любое время суток, но простые стражники должны понимать, что сержант – не бродячая собака, бегущая со всех ног по первому зову.

– Из Магистрата прислали человека с распоряжением!

– Должно быть, у них для этого есть веские основания. Сколько у меня времени на сборы?
– Велели поторопиться!
– Сейчас! – проворчал Ладвиг, бросая вниз тяжёлый кованый ключ. – Коня моего оседлай, чтобы времени не терять!

Сержант наскоро оделся, ножны с мечом и кинжал взял в руки, чтобы не гремели. Проходя мимо комнаты Греты, он осторожно приотворил дверь и прислушался. Вдовушка давно привыкла к беспокойной службе своего постояльца, и почти не обращала внимания на его частые отлучки в позднее время. Ладвиг услышал тихое сопение спящей женщины, невольно заулыбался, когда она причмокнула губами во сне. Сержант ловко спустился по скрипучей лестнице на первый этаж, не потревожив ни одной ступени. На ходу поправляя перевязь меча, он заткнул сзади за пояс кинжал и водрузил на голову вычурный и не слишком удобный шлем городской стражи Энгельбрука.

Посыльный оказался расторопным малым и легко нашёл общий язык с жеребцом Ладвига Фитцем. Может быть, сказался опыт обращения с лошадьми, а может, повлияли знакомые коню запахи караульного помещения. Так или иначе, Фитц уже поджидал сержанта, тихим ржанием приветствуя запрыгнувшего в седло хозяина. Ладвиг ласково похлопал своего любимца по шее и лёгким ударом пяток послал коня рысью.

Южные ворота столицы Западного герцогства были единственными не запирающимися на ночь воротами города. Жизнь здесь кипела круглые сутки. С незапамятных времён горожане сажали фруктовые деревья за пределами крепостных стен. После череды междоусобных войн остатки некогда великолепных садов сохранились только в окрестностях южных ворот. Без соответствующего ухода яблони груши и сливы вымахали до размеров, совершенно неприличных для плодовых деревьев. Большинство из них были слишком стары для плодоношения, а если и приносили плоды, то слишком мелкие, как у своих диких собратьев. Назначенные магистратом смотрители не помышляли о каком-то серьёзном благоустройстве, едва справляясь с очисткой тропинок от молодой поросли, густо усеивавшей корни старых деревьев. Горожане любили сады и считали их одной из достопримечательностей Энгельбрука, почти наравне с дворцом Ангельский Мост, в честь которого, собственно, и был назван город.

Большинство праздников, кроме церковных, проводились на полянах под сенью старых деревьев, ещё помнящих времена былого величия Западного герцогства. В будние дни в садах бывало не намного меньше людей. Шумные ватаги ребятишек устраивали там игры, лазали по деревьям, отыскивая немногочисленные плоды и разоряя птичьи гнёзда. Влюблённые парочки уединялись в густых зарослях, подальше от посторонних глаз, особенно в пору цветения, когда в воздухе кружились лепестки облетающих цветов, а голова кружилась от их восхитительных ароматов. Дуэлянты организовывали там свои кровавые игрища, и немало полей было полито горячей кровью молодых безрассудных сорвиголов.

Энгельбрук, как паук в центре паутины, расположился на пересечении многочисленных торговых путей, протянувшихся с одного края Союза Верных до другого. Три такие дороги, прямые, словно вонзившиеся в тело жертвы мечи, прорезали сады с разных направлений, сходясь воедино у южных ворот. День и ночь, громохоча колёсами, по торговым путям тянулись обозы, постепенно протачивая колеи в каменных плитах дорог. Ненасытный Энгельбрук поглощал всё, что привозили купцы, меняя их товар на звонкую монету, немалая доля которой оседала потом здесь же, в питейных заведениях и потайных карманах щедрых на любовь девиц.

Ладвиг добрался до Южных ворот, когда в город прибыла пара очередных караванов. Неизвестно, что вёз тот из них, что прошёл через подъёмный мост первым, но от второго за милю несло отвратительным запахом, который издаёт солёная рыба, испортившаяся в результате длительного и явно неправильного хранения. Даже привычные ко всему попрошайки, зорко следящие за проезжающими мимо обозами, попятнулись и стали освобождать

площадь перед воротами. Самый стойкий из них остался на месте, презрительно плюнул на колесо телеги, проехавшей от него в пяти футах, и хриплым голосом сказал:

– Чего носы воротите? Всё равно скоро нам это жрать придётся.

– Это как? – Гнусаво крикнул кто-то, зажимая пальцами нос. – Таким только на поля удобрять!

– Кто б его тогда в город повёз? – Парировал обладатель хриплого голоса. – Наверняка очередной торгаш отдал по дешёвке в счёт уплаты налогов. В городе всё возьмут. Нужно же что-то подавать в столовой для бедных. Там любую гниль промоют, да сварганят похлёбку. Кто после неё выживет, тому отпущение грехов и...

– Молчать! – Заорал кто-то из стражников. Хлебнув полным ртом удушливой вони, он закашлялся и кое-как выдавил из себя: – Висельники!

– Вот-вот, – негромко добавил стоящий спиной к Ладвигу стражник с нашивками вах-мистра, – давно по вам ночной мастер тоскует.

Попрошайки тут же бросились врассыпную, первым делом метнувшись по тёмным углам площади, подальше от освещённых мест.

– Вам туда, сержант, – сопровождавший Ладвига гонец указал ему на комнату для отдыха караульных.

В просторном помещении находилось всего двое мужчин. Оба они разместились за большим столом, служившим стражникам и для приёма пищи и для мелкого ремонта амуниции. У дальнего конца стола, устроившись на месте начальника караула, зевал какой-то невзрачный тип, в котором Ладвиг опознал одного из мелких чиновников при Магистрате. Спиной ко входу сидел необъятных размеров человек, одетый дорого, но без изыска. Похоже, толстяку пришлось сегодня двигаться больше, нежели обычно, потому что из-под съехавшего набок плаща виднелся пелисон¹, разошедшийся в нескольких местах по швам. Сквозь прорехи торчала подкладка из меха, и было заметно, что хозяин сильно сэкономил на дорогостоящих мехах, пустив их только на отвороты одежды.

– Неужели вы не понимаете? – Срывающимся голосом произнёс толстяк. – Это же конец света! В Писании сказано о том, что заполонят слуги сатаны земли нечестивцев и ввергнут во тьму и хаос...

Сказав это, он вытянул вперёд руки с растопыренными шевелящимися пальцами и немедленно опрокинул со стола глиняную кружку с пивом.

– Успокойтесь, господин Сиджисвальд, – скрипучим голосом сказал чиновник. Чувствовалось, что ему далеко не в первый раз приходится произносить эту фразу. – О нашествии пока говорить рано. А я в очередной раз сообщаю вам, что Магистрат, в моём лице, принял к рассмотрению вашу жалобу. Будет сделано всё необходимое для защиты мирных граждан города, в том числе и вас. Уже назначен дознаватель, который...

– Здесь нужна хорошая ищейка! – Возопил толстяк. Хватив кулаком по столу, он опрокинул еще одну кружку, содержимое которой немедленно разлилось по столешнице. – Пусть землю роет, если потребуется!

– Разумеется, господин Сиджисвальд. – Заверил его чиновник и, заметив вошедшего, добавил: – Уже прибыло должностное лицо, на которое возложены обязанности по проведению следствия. Вам сейчас предложат ещё пива, а я введу в курс дела сержанта.

Сидевший на лавке господин попытался оглянуться, но короткая шея с мощным складчатым загривком ворочалась с трудом и не позволила ему это сделать. Пока он, пытаясь, перекалывал свои ноги по другую сторону лавки, чиновник быстренько подошёл к Ладвигу, глазами и кивком головы указав ему на дверь.

¹ * пелисон – средневековая мужская и женская верхняя одежда, подбитая мехом.

– Тут такое дело, сержант, – тихо произнёс он, оказавшись за пределами караульного помещения, – даже не знаю с чего начать.

– Тогда начните рассказ с того, почему какое-то расследование взвалили на меня, – предложил Ладвиг. – Или судебная коллегия шеффенов² больше этим не занимается?

Чиновник задумчиво пожевал губами. Несколько мгновений он размышлял, отведя взгляд в сторону, потом, решившись, сказал:

– Занимается, ещё как занимается. Но сегодняшний случай особый. Шеффены привыкли иметь дело с ворами, разбойниками, даже с мелкой шпаной и то разбираются они. Методы работы у их следователей соответствующие – со сбродом никому не придёт в голову церемониться. А нам нужен человек дотошный, но без лишней прямолинейности. Способный проявить твёрдость с простолюдинами, и умеющий общаться с благородными людьми. Ратман³ Олдрик... – чиновник сделал паузу и впился глазами в собеседника, пытаясь уловить реакцию на произнесенное вслух имя, – порекомендовал привлечь к расследованию тебя.

Ладвига многое связывало с этим именем, но исповедоваться у стоящего перед ним человека он не собирался.

– Мне приходилось выполнять различные поручения высокопоставленных особ, – без лишнего пафоса произнёс сержант, давая понять, что не считает эту деятельность достойной какого-либо интереса.

При словах «различные поручения», уголки тонких губ чиновника дёрнулись, а в остальном он остался невозмутим.

– Вести следствие, сержант, – назидательно сказал он, – это не записочки дамам таскать. Работа, подчас неблагодарная и очень небезопасная. Подумай хорошенько, прежде чем браться.

– Уж не вы ли на эту должность метили? – Поинтересовался Ладвиг и понял, что попал в точку.

Чиновник отвернулся и с преувеличенным вниманием оглядел проезжавший мимо обоз с невыделанными шкурами. Когда он повернулся, выражением лица ничуть не отличался от прочих служащих магистрата, с сонным видом ежедневно выслушивавших многочисленные жалобы горожан. Продемонстрировав сержанту небольшой кожаный тубус, на котором висела печать с гербом Энгельбрука, чиновник сказал:

– Это гарантии твоих полномочий. Имеешь право передвигаться где угодно, расплачиваться долговыми расписками на любую сумму, указывая поручителем Магистрат. Имеешь право привлечь в качестве помощников до трёх человек на срок до двух декад. По предоставлению декларации, им будут компенсированы все расходы и убытки, включая недополученную прибыль. Имеешь право допроса любого человека, руководствуясь «Сводом законов города».

– Как говаривал один мой знакомый, большие деньги – большие заботы. Чего же хотят люди, мечтающие так меня осчастливить?

– Я совершенно уверен в том, что ни одному из твоих знакомых даже не снились такие деньги, – процедил сквозь зубы чиновник. – Тебе поручено провести следствие по факту убийства некой женщины, совершённого сегодня вечером, почти сразу же после захода солнца.

– Надо же, – притворно удивился Ладвиг, – как быстро стало работать наше правосудие. Могу я узнать имя жертвы?

– Оно неизвестно. Да это и не важно...

– Что? – Магистрат выделяет такие средства для расследования убийства неизвестной женщины? Кто же тогда заявитель?

² * шеффены – члены (заседатели) судов, выбиравшиеся на эту должность пожизненно

³ * ратманы – советники, разбиравшие дела о нарушении правил торговли, выбирались сроком на один год

– Тише, сержант. Не надо так бурно обсуждать дело, которое Магистрат не стремится предавать огласке. – Чиновник оглянулся по сторонам и продолжил: – Одним из заявителей является господин Сиджисвальд, затылок которого ты уже имел счастье наблюдать. Из его путанных и весьма эмоциональных объяснений, я сумел понять только то, что он, вместе со своим собутыльником, господином Реджинхардом совершал позднюю прогулку по садам, где они оба стали невольными свидетелями убийства.

– Они были знакомы с жертвой, или это тоже неважно?

– По второму пункту ты угадал, – чиновник очень неприятно улыбнулся, продемонстрировав редкие кривые зубы. – Сиджисвальд утверждает, что видел убийцу. Отправив более трезвого приятеля напрямик в здание городского суда, он бросился к Южным воротам и поднял тревогу. Вахмистр не растерялся и отправил отдыхавшую смену в оцепление ещё до моего прибытия.

– Вот почему в караулке пусто, – Ладвиг несколько мгновений обмозговывал полученные сведения, затем спросил: – Так что, Реджинхард не добрался до судейских?

– Добрался. Бежал без оглядки несколько кварталов. Ночью там только городская стража, в составе которой неглупые люди, поставленные приглядывать за тем, какая информация поступает к заседателям шеффенской коллегии. Они сразу же переадресовали Реджинхарда нам, когда слышали, кто обвиняется в убийстве. – Чиновник многозначительно посмотрел на сержанта, ожидая вопроса.

«Как же ему не хочется выпускать из рук это дело, – подумал Ладвиг. – Вроде бы уже смирился, ан нет, всё тянет и тянет, понимая, что как только он скажет последние слова, то потеряет свой маленький кусочек власти».

– Сиджисвальд заявляет, что женщину убил демон. – Произнёс служащий Магистрата, уставший изучать непроницаемое лицо сержанта. Сказав это, он отвёл взгляд и чему-то невесело улыбнулся, просто так, а не для воздействия на собеседника.

– Вы ему поверили?

– А вот это уже твоя забота, – злорадно оскалился чиновник. – Моя миссия выполнена. В курс дела я тебя посвятил. Спешу откланяться.

Он запахнул полу плаща, собираясь уходить, когда Ладвиг сделал шаг в сторону, отрезая неприятному типу проход на площадь перед Южными воротами.

– Послушай, любезный, – сказал сержант, постукивая по заткнутому за пояс тубусу с печатью Энгельбрука, – полномочий у меня хватает, чтобы и тебя – рыбёшку мелкую – допросить. А если вдруг мало их окажется...

– То что? – С вызовом спросил чиновник, притиснутый к дверям караульного помещения. – Приём жалоб в Магистрате, сразу после утренней службы в Главном Соборе.

– Зачем же тревожить и без того занятых людей. – Ладвиг перехватил свой меч за середину ножен и без замаха ткнул наверху рукояти в солнечное сплетение наглеца. Лево́й рукой он успел подхватить за шиворот оседающее тело и, наклонившись к побледневшему, пытающемуся сделать вдох чиновнику, ласково произнёс: – Ну, как, смог убедиться, что я, в отличие от тебя, умею находить подход к людям? Смирись, и выкладывай всё, что утаил.

– Я... не... – захрипел и замотал головой служащий Магистрата.

Сержант покачал головой, демонстративно размял пальцы правой руки и сжал их в крепкий кулак. Чиновник всхлипнул и опустил голову:

– Солдафон... чтоб тебе... Слушай, повторять не буду... Это не первое такое убийство. В Магистрате бояться паники среди населения, особенно среди купцов. Раньше удавалось замять дело, или подкупить свидетелей. В этот раз такой номер не пройдет. Сиджисвальд – мастер цеха стеклодувов – уважаемый в городе человек. Реджинхард – занимается поставками ко двору его светлости, герцога Кэссиана. С ними нужно действовать очень тонко, а не так как ты сейчас. Если не получится успокоить Сиджисвальда, считай, что всё пропало. Он раструбит

по всему Энгельбруку о нашествии демонов. Последствия могут быть очень серьёзными. Шеффенская коллегия ни в коем случае не должна получить материал для открытого судебного процесса. Помимо расследования, твоя задача состоит в максимальном сокрытии любых полученных сведений от посторонних лиц. Если же твоя голова уподобится дырявому кувшину, из которого что-либо просочится наружу, то я тебе не завидую.

– Вот с этого момента и не завидуй. Всё сказал?

– Всё, – сплюнул чиновник.

Ладвиг ещё раз встряхнул его, как тряпичную куклу и, услышав треск рвущейся материи, произнёс:

– Не забудьте внести в декларацию сведения о причинённом вам материальном ущербе, господин магистратский служащий.

Сиджисвальд встретил сержанта внимательным суровым взглядом. Оставшийся наедине с полудюжиной пива, принесённой кем-то из ближайшего питейного заведения, мастер-стеклодув стал понемногу успокаиваться. Он отхлебнул из кружки изрядный глоток, причмокнул губами и мрачно сообщил:

– Дерьмо... ик... привозное. Как будто в городе... ик... некому сварить... приличное пиво. Контр... рабанда, между прочим, господин...

– Сержанта городской стражи Ладвиг, к вашим услугам, мастер.

– Сержанта... – Сиджисвальд снова сунул нос в кружку с пивом, скривился и отставил её в сторону. – У меня... серьёзное со... общение. Никак... не меньше, чем для капитана городской стражи.

– Я доверенное лицо капитана, – не моргнув глазом, соврал Ладвиг, помахав перед носом толстяка тубусом с печатью: – Магистрат уже рекомендовал произвести меня в офицерский чин и назначить лейтенантом. Неужели господин Сиджисвальд думает, что дознавателем по такому важному делу пришлют какого-то унтера? Это было бы прямым оскорблением для такого уважаемого горожанина, каковым вы, без всякого сомнения, являетесь.

Мастер-стеклодув был накачан пивом, как монастырский погреб, но не утратил при этом ясность рассудка. Наживку из лести он заглотил сразу же, словно голодная щука. Его толстые, вымазанные пеной губы пришли в движение, настолько неторопливое, что вода в клепсидре успела бы отсчитать время полной смены караула, прежде чем на опухшем потном лице появилась улыбка.

– А ты мо... олодец, с по... ониманием. Не то, что этот, – Сиджисвальд скорчил гримасу, видимо изображая давешнего чиновника из Магистрата. – Тебе я рас... скажу.

– Я вас внимательно слушаю.

– Беда у нас, лей... тенант. Слуги сатаны по... дступили к городу. И не будет никому сп... асения.

Ладвиг истово осенил себя знаком Двуетиного, но когда заметил, что его набожность нисколько не тронула мастера-стеклодува, сказал:

– Одна надежда на достойных людей, вроде вас, да господина Реджинхарда. Если бы все так понимали свой гражданский долг, никакие демоны не смогли бы угрожать жителям Энгельбрука.

– А что! – Воодушевился Сиджисвальд. – Создадим го... родскую милицию, выйдем за во... рота и устроим тварям... как это... слово...

– Экзекуцию. – Подсказал сержанта.

– Вот! Пр... авильно! Ты, поймай мне его, лей... тенант, а уж я... экз... – Язык у толстяка начал заплетаться сильнее.

– Непременно! Опишите приметы демона, мастер.

Сиджисвальд задумался, вытянул вперёд руки и стал беспорядочно шевелить пальцами, затем, сделав зверское лицо, резко потрянул правой рукой, но не рассчитал и приложился пальцем по столешнице рядом с собой.

– Ух... Больно... Одним ударом... Пре... дставляешь, одним. Фьють-фьють, – он мотнул головой и во все стороны полетели слюни. – Бе... дняжке жизни только на один крик ос... талось. Я гварю, Реджи, бежим отсюда! А он: чего там слу... чилось?

– Значит, господин Реджинхард не видел демона? И знает о нём только с ваших слов?

– Да, – кивнул мастер-стеклодув. Нетвёрдой рукой он взял со стола кружку, одним глотком осушил и протяжно рыгнул. – Кто ж... такое пиво ва..арит...

– Не желаете ли отдохнуть, господин Сиджисвальд? – Ладвиг понял, что большего из него уже не выжать. – Я прикажу доставить вас под надёжной охраной туда, куда вы соблаговолите отправиться.

Толстяк кивнул, попытался было поднять свесившуюся на грудь голову, но, не справившись с этой задачей, ритмично засопел.

«Ценный свидетель, ничего сказать, – подумал сержант, вынимая кружку из цепких пальцев мастера-стеклодува. – Завтра проспится и пойдёт всем рассказывать про свои ночные похождения. Чего только в темноте с пьяных глаз не привидится».

Но, вспомнив, что чиновник говорил о нескольких подобных убийствах, Ладвиг решил не делать поспешных выводов. Он уже направился к выходу, когда в караульное помещение вошёл вахмистр – начальник здешней караульной команды. В первый момент показалось, будто он

чем-то недоволен, но вскоре сержант понял, что это его обычное выражение лица.

– Тут хозяин соседнего с нами пивного подвальчика сюда рвётся. Говорит, извинения хочет принести. – Доложил вахмистр, пропуская вперёд человека в мятом заляпанном фартуке.

Судя по внешнему виду, в своём заведении он попутно исполнял обязанности кельнера и разносчика. Державший в каждой руке по три кружки с пивом хозяин заискивающе улыбался, всем своим видом показывая готовность услужить.

– Я извиняюсь, – вкрадчивым голосом сказал он, – господа стражники не соизволили сообщить мне, для каких уважаемых людей они берут пиво в моём скромном заведении. В угоду разборчивым клиентам у меня всегда найдётся нечто особенное.

– Ставь сюда, – Ладвиг показал на стол рядом с сомлевающим мастером-стеклодувом. Принюхавшись к содержимому одной из кружек, сержант, к своему удивлению, не нашёл никакой разницы с тем пойлом, которое вливал в себя Сиджисвальд.

Хозяин, широко улыбаясь, пятился к двери, когда Ладвигу пришла в голову мысль о том, каким образом нейтрализовать свидетеля убийства хотя бы на время.

– Послушай, – обратился сержант к содержателю пивной, – у господина Сиджисвальда случились кое-какие неприятности. Ему нужно на некоторое время удалиться от дел и отдохнуть. У тебя в заведении найдётся местечко для уважаемого горожанина? Чтобы никто не мешал и не мельтешил перед глазами?

Хозяин задумался. При взгляде на возможного клиента, в его глазах появился алчный блеск, но потом, о чём-то вспомнив, содержатель пивной тоскливо поморщился.

– Так есть, или нет? – Начал терять терпение Ладвиг.

– У меня есть кабинет для важных персон, господин стражник, но к моему глубочайшему сожалению он сейчас занят. Ах, если бы вы обратились ко мне чуть раньше, – горестно всплеснул руками хозяин, выражая неподдельную скорбь.

– Это какую же важную персону ты у себя приютил? – Включился в разговор вахмистр.

– Господин Реджинхард оказал мне честь своим выбором, – торжественно произнёс содержатель пивной.

– Так это меняет дело! – Обрадовался сержант. – Он же приятель нашего мастера-стеклодува. Им вдвоём будет гораздо веселее!

– И то, правда, – просиял хозяин. – Вы абсолютно правы господин стражник!

– Вот что, вахмистр, – обратился Ладвиг к начальнику караула, – возьми троих самых крепких бойцов их своей команды, чтобы помогли транспортировать господина Сиджисвальда в пивную.

– Это вряд ли, – покачал головой вахмистр и улыбнулся так, словно отказ доставил ему удовольствие. – У ворот остался только я и двое разводящих. Две полные смены стражников отправили в оцепление на место происшествия. Вы же понимаете, сержант, что не сможете снять нас с поста, даже несмотря на ваши полномочия.

– Не извольте беспокоиться, – засуетился содержатель пивной. Хвала Богам, мои сыновья выросли крепкими и здоровыми. Они без труда справляются с тяжеленными бочками и здесь не оплошают.

– Хорошо. – Подытожил Ладвиг. – И запомни, что эти уважаемые горожане ни в чём не должны знать отказа. Не вздумай брать с них денег. Выпишешь счёт на моё имя, а в поручителях укажешь Магистрат Энгельбрука.

– За господина Сиджисвальда может поручиться Цех стеклодувов, – высказал своё мнение хозяин. – Так уже бывало раньше...

– Ни в коем случае! Сделаешь так, как велено. Я потом проверю. И болтай поменьше.

– Не извольте беспокоиться, – повторил содержатель пивной, – я постараюсь угодить важным персонам. Лишь бы моё пиво их не разочаровало.

«Сдаётся мне, что на дармовщинку мастер-стеклодув будет хлебать и то, что выливается из поднявшей ногу собаки», – усмехнулся про себя Ладвиг, а вслух обратился к вахмистру:

– Как мне найти место происхождения?

– Выйдите из ворот и сразу налево вдоль старого крепостного рва до ближайшей угловой башни. Уже светает, так что не заблудитесь.

– Пароль назначили?

– Да. Крикните «Матильда», и мои ребята сразу вас пропустят.

«Вот уже и рассвет, – подумал Ладвиг, выходя из караульного помещения на площадь перед Южными воротами. – Длинный сегодня предстоит день».

Он переждал очередной обоз, неторопливо вползавший в город, и двинулся в указанном вахмистром направлении. На рассвете в садах было малоллюдно. Разве что кто-нибудь из подвыпивших гуляк не нашёл в себе силы добраться до городских стен и прилёг отдохнуть там, где его покинули силы. Мелкие воришки, скорее всего уже срезали кошелёк пьяницы, стянули шляпу и плащ. Рассказывали, что у какого-то лавочника они ухитрились спороть с одежды дорогую тесьму и найти спрятанную в обуви дневную выручку. Дуэлянты обычно появлялись после того, как звон колоколов позовёт прихожан на утреннюю службу. В это время все законопослушные горожане шли молиться Богам, а не пускать кровь своим собратьям ради сомнительных идеалов.

Ладвиг нашёл тропинку, протоптанную вдоль заросшего высоким кустарником старого крепостного рва, и пошёл по ней по направлению к островерхой башне. Бойкие пичуги скакали по ветвям деревьев, оглашая окрестности незамысловатыми трелями. Сержант вспомнил детство и попытался издать свист, подражающий голосам птиц. Пичуги не оценили его стараний и улетели в более спокойное место.

«А когда-то умел», – с грустью подумал Ладвиг.

Неподалёку от башни заметил стражника. Боец прислонился к стволу яблони и, опершись на свою пику, мирно спал. Сержант огляделся по сторонам, никого больше не заметив, приблизился к стражнику, негромко сказав ему на ухо:

– Доброе утро, фрау Матильда.

Солдат восторженно, вытянулся во весь рост и брякнул спросонья:

– Так точно!

– Вольно, – усмехнулся Ладвиг. – Я провожу дознание по факту убийства.

– Виноват! Больше не повторится! – Отчеканил стражник.

– Как пройти на место происшествия?

– Видите вон те два дерева, господин сержант? Ступайте в этом направлении, и обязательно встретите кого-нибудь из наших. Они вас проводят.

– Ничего не заметил подозрительного?

– Время второй стражи началось, и зашелестел кто-то по кустам во рву. Я окликнул – затихло всё. Выждали немного и стали осторожно уходить.

– К Южным воротам?

– Нет, в другую сторону.

– Думаешь, несколько их было?

– Похоже на то.

– Здесь стоять больше нет смысла. Разведай, что за люди болтаются по ночам во рву. Если чего обнаружишь – доложи лично мне. По поводу бродяг или малолетних шалопаев не беспокой.

Отправив солдата в поиск, Ладвиг направился в сторону приметных деревьев и сначала услышал, а потом и увидел двоих стражников, увлечённо игравших в кости. Вахмистр производил впечатление толкового командира, но должной требовательности к подчинённым не проявлял, поэтому дисциплина в подразделении хромала. Сержант без особых ухищрений приблизился к игрокам, удобно расположившимся на растущем низко над землёй стволе дерева, и немного постоял за их спинами, наблюдая за игрой. Один из стражников пытался мухлевать, придерживая кости перед самым броском, второй не замечал даже этой «детской» уловки. Дозорные из них были никакие, не стоило даже спрашивать об обстановке в оцепленном районе. Ладвиг так же тихо удалился и, заметив между деревьями просвет, двинулся туда, надеясь отыскать хоть одного человека, исправно несущего службу.

– Кто идёт? – раздался из-за кустов негромкий оклик.

– Матильда, – ответил сержант, стараясь разглядеть притаившегося среди зелёных ветвей человека.

Из кустов сначала показалась пика, а затем её владелец – шуплый, невысокого роста стражник.

– Смена? – С надеждой спросил он.

– Пока нет. Сам выбирал место? – Ладвиг указал на кусты, в которых прятался солдат.

– Сам. – Хмуро ответил стражник. – Меня не видно, а обзор в обе стороны хороший.

– Как зовут?

– Бруно.

– Хорошо служишь. – Ладвиг решил, что такое рвение следует поощрять и протянул солдату медную монету. – Держи небольшую премию от имени Магистрата.

– Рад стараться! – Повеселел Бруно. – Осмелюсь доложить! Ничего заслуживающего внимания не видел. Место происшествия по правую руку от вас в сотне ярдов отсюда. Проводить?

– Найду. Там два олуха в кости играют. Передай им, пусть возвращаются к вахмистру и доложат о своём проступке. Я потом проверю.

Видимо, отношения у Бруно с указанными стражниками были не слишком хорошими. Улыбнувшись не без злорадства, он поспешно отправился выполнять приказ, а сержант продолжил свой путь к месту убийства.

Следующие двое стражников, встреченных Ладвигом, охраняли проход к той самой поляне, на которой и разыгралась ночная трагедия. Они тоже не заметили ничего особенного,

если не считать остатков одежды, повисших на ветвях колючего кустарника. Сержант осмотрел найденные лоскутки, признав в них обрывки одеяния Сиджисвальда. Грузный мастер-стеклодув нёсся через кусты, не разбирая дороги. Судя по изломанным веткам, несколько раз он падал, и в этих местах кустарник понёс наиболее ощутимые потери. Ладвиг проделал тот же путь, только в обратном направлении, тщательно осматривая землю. Следы Сиджисвальда были очень хорошо заметны – его тяжёлые башмаки глубоко взрыхлили землю и с корнем вырвали траву. Сержант не считал себя каким-то особенным следопытом и не удивился, что кроме отпечатков, судя по всему принадлежащих Реджинхарду, ничего больше не обнаружил. Событьи́ники действительно со всех ног от кого-то улепётывали, но за ними никто не гнался. Впрочем, Сиджисвальд этого и не утверждал.

Шаг за шагом, продвигаясь вперёд, Ладвиг оказался на неправильной формы поляне, со всех сторон окружённой высокими деревьями. Редко расставленные по периметру стражники негромко переговаривались, коротая время на посту.

– Сержант! – Крикнул один из них. – Дознаватель с вами?

– Я его недавно видел в зеркале, когда брился, – ответил Ладвиг, бегло осматривая окрестности.

– Тогда, снимайте оцепление! Нам здесь больше нечего делать! – Раздались крики с разных концов поляны.

– Внимание всем! – Громко объявил сержант. – Магистрат назначил меня вести следствие! Все, кому нечего доложить по существу дела, могут быть свободны! Остальных попрошу задержаться и представить подробный отчёт!

На месте остался только один стражник, остальные же поспешили покинуть место происшествия, предусмотрительно шагая вдоль края поляны.

«Не густо, – подумал Ладвиг, – но богатого набора улики мне никто и не обещал».

Расположение тела было помечено с помощью воткнутой рядом ветки, к которой был привязан снятый с чьей-то пики вымпел. Памятуя о невысокой дисциплине в команде стражников, сержант решил лично обследовать окраины поляны. Быстрым шагом он обошёл всё свободное от деревьев пространство, а, вернувшись к исходной точке, стал двигаться по сужающейся спирали, постепенно приближаясь к вешке. Ладвиг не настраивался на поиск конкретных вещественных доказательств и старался обращать внимание на любые предметы, чьё присутствие здесь могло бы вызвать вопросы. Витки спирали становились всё короче, а ничего, что могло бы пригодиться в расследовании, найти пока не удавалось. Он отметил лишь то, что трава в некоторых местах была сильно примята, словно кто-то изрядно по ней потоптался.

Оставшийся стражник молча наблюдал за действиями дознавателя, а когда тот в очередной раз поравнялся с ним, сказал:

– Тут уже все прочесали, господин сержант. Как только взошло солнце, двое самых глазастых ребят пробежались по поляне вдоль и поперёк. Ничего особенного не нашли. Возле тела лежали кое-какие вещи. Они оставлены на том же месте.

– Это ваши всю траву вытоптали? – Спросил Ладвиг, с неудовольствием глядя по сторонам.

– Нет, – энергично замотал головой стражник, – я их заставил обувь снять, чтобы следы не нарушили.

– Странно... Трава выглядит так, как будто здесь пляски устраивали.

– Говорят, на этой поляне дуэли не такая уж редкость. – Заметил солдат. – Мы и сегодня не пропустили сюда нескольких человек при оружии.

«Немолодой серьёзный мужик. – Подумал Ладвиг, приглядываясь к оставшемуся на посту стражнику. – Похоже, именно он организовал оцепление. Странно, что до сих пор ходит в рядовых. Надо будет разузнать о нём у вахмистра».

– Что вы нашли? – Спросил сержант, уважительно обратившись к человеку, вполне годящемуся ему в отцы. – Я думаю закончить с уликами на местности, а потом уже перейти к осмотру тела жертвы.

– Посмотрите сами, я не стал трогать.

Ладвиг подошёл к стражнику, присел рядом с тем местом, на которое было указано, и заметил в траве несколько блестящих круглых шариков.

– Один... два... три... ещё два. Итого пять. Почему вы решили, что они имеют отношение к делу?

– Я нашёл, а решать вам.

– Да, конечно. А что это вообще такое?

– Выглядит, как разорванная нитка бус. Я сам недавно покупал такие для своих дочерей.

– Похоже, – согласился Ладвиг. Поднявшись на ноги, он смерил взглядом расстояние до вешки, отмечавшей расположение трупa, и сказал: – А до тела никак не меньше пятнадцати ярдов. Как же они сюда попали?

– Этот толстый стеклодув кричал о том, что здесь орудовал демон. Если он своей пальпой по шее женщины саданул, то бусинки могли разлететься по всей поляне.

– Чем саданул? – Переспросил сержант.

– Пальпой. У него их множество. Длинные такие, гибкие щупала.

– А на что он вообще похож?

– Как вам сказать. Скорее на большой клубок огромных змей. Все шевелятся, тычутся куда-то, ощупывают. Мерзкий, надо сказать, у демона вид.

– Да вы знаток, – удивился Ладвиг, – что, раньше приходилось встречать сатанинское отродье?

– Ага, – неохотно ответил солдат. – Было дело по молодости. Служил в пограничных отрядах. Был свидетелем того, как легион сатаны прорвался через две заставы.

– Вот что, рядовой. Оставьте возле этих бусин свою пику, и помогите мне с осмотром тела.

– Пойдём, – согласился стражник, – подсоблю, чем смогу.

Женщина лежала ничком, широко раскинув руки, словно обнимала траву, ставшую для неё последней мягкой постелью. Платье на правом плече было разорвано, сквозь разошедшуюся ткань виднелась лужица запёкшейся крови. Удар и вправду пришёлся по шее – через рассечённую кожу были видны осколки позвоночных костей.

– Вон она, нитка, – сказал солдат, обращая внимание сержанта на тонкую полоску, наискось пересекавшую шею. – И несколько бусин лежат справа от тела.

– Платье из домотканого крашеного холста, – задумчиво произнёс Ладвиг, – простецкого покроя, без лент и тесьмы... Значит, мы имеем дело...

– ...с деревенской жительницей, – продолжил его мысль стражник, – думаю, будет непросто опознать тело. К тому времени, пока до нас дойдут слухи о пропаже какой-нибудь Агнет из забытой Богами деревеньки, её кости уже будут гнить на кладбище для бродяг.

– Давай перевернём её, – предложил сержант, – может, и найдём чего стоящее.

Вдвоём они приподняли тело и положили его лицом вверх.

– Совсем молоденькая... – вздохнул солдат, осенив себя знаком Двуетиного. – Упокой, Великая Мать, душу убиенной и ниспошли ей благодать вечную.

Ладвиг отвёл взгляд от обезображенного предсмертной гримасой лица и обратил внимание на большие карманы, нашитые на платье. Заглянув туда, он обнаружил несколько зёрнышек ячменя, среди которых тускло блеснула тяжёлая металлическая крупинка.

– Никак золото? – Сержант взвесил на ладони находку и передал её стражнику.

– Да, – согласился солдат, – правда, ваша. Такие крупинки в горных речках добывают. Кучу песка необходимо перебрать, прежде чем найдётся драгоценность малая. Ходят про-

меж людей разговоры, что добывает кое-кто потихоньку золотишко, да и переправляет потом в город.

– Одна крупинка – ещё не контрабанда, – засомневался сержант, – хотя... чего только не случается в жизни. Как думаете, могла она быть курьером, проносящим в город нелегально добытое золото?

– Вполне. Бывает, что используют людей втёмную. Дают в руки поклажу и говорят: на, мол, отнеси туда-то и отдай такому-то. А человек и не знает, что несёт.

– Вряд ли удастся легко установить её личность.

– Если часто проходила через ворота, то её мог запомнить кто-нибудь из наших парней. Они только и делают, что на девок пялятся.

– Можно поспрашивать среди скупщиков краденого, – предложил Ладвиг. – Вдруг им эта девица знакома.

– Зачем скупщикам золотым песком руки пачкать? Просто так никому не перепродашь, а те, кто интерес в этом имеет, с ними знаться не станут. Искать нужно среди ювелиров. Или... – солдат задумался. – На дворе монетном.

– У-у-у, – протянул сержант, – обвинение серьёзное, да кто ж туда городскую стражу допустит? Там и охрана своя и следствие, если что, они сами учинить могут. Кроме этого им придётся сообщать, при каких обстоятельствах к нам попала эта золотая крупинка. Кстати, всю команду предупредили о строжайшем соблюдении тайны?

– Да. – Поморщился стражник. – Незадолго перед вашим приходом появился какой-то хлыщ из Магистрата. Суетился, бегал, всё к телу норовил сунуться. Запугивал всех, словно детей малых. Разве что церковным проклятием не пугал. Да, церковного-то наши остолопы и не испугались бы.

– Понятно. Я до сих пор не знаю вашего имени. – Ладвиг почувствовал симпатию к этому человеку и не прочь был бы пообщаться с ним вне рамок устава.

– Рядовой Виланд.

– Обойдёмся без чинов, Виланд. Сержант не такое уж высокое начальство, чтобы тянуться перед ним во фронт. Жизненного опыта вам не занимать, а я сейчас очень нуждаюсь в помощи.

– Хорошо... Ладвиг, – стражнику с трудом далось неформальное обращение к старшему по званию. – А ты... действительно не похож на тех, кто всерьёз считает себя начальством.

– Вот и отлично. Вы можете высказать свои соображения по этому делу?

Рядовой переступил с ноги на ногу, покосился на сержанта и, с оттенком недоверия произнёс:

– Вроде, «без чинов» команда была, а меня величаете, как старшего...

– Так вы и впрямь старше меня, – добродушно улыбнулся Ладвиг, – не привык я общаться как с ровней, с человеком, годящимся мне в отцы.

– Хорошо, но я человек простой, этикету не обученный.

– И я не во дворце вырос. Давайте лучше перейдём к осмотру.

Виланд задумался, нагнулся к телу, некоторое время изучал повреждения, а потом сказал:

– Тебя же, в первую очередь интересует, демон это безобразие устроил, или нет?

– Разумеется. Свидетель у нас слишком ненадёжен, чтобы верить ему на слово.

– Шея перебита, в месте удара кость раздроблена. Да и ключица, видно, сломана. Кровь долго текла из раны и никак не унималась. Может, конечно, девица болела чем-нибудь кровотечению способствующим, не знаю. Вот только в ранах, что после демонов остаются, это не часто встречается.

– Я слышал, что слуги сатаны выделяют обжигающую слизь, – вспомнил сержант, – если она попадает на кожу...

– Есть здесь такой ожог, – Виланд вынул из-за пояса кинжал и осторожно отодвинул лезвием материю. Кровь, которой была пропитана ткань, уже засохла, и лоскут попросту согнулся, обнажив верхний край раны на шее.

– Это ожог? – Спросил Ладвиг, разглядывая не испачканный кровью вспухший край раны.

– Да, видишь, всё покраснело, кожа пузырями мелкими вздулась. Вот здесь, совсем как роса на траве. Если такой пузырик проколоть, – стражник сопровождал свои слова действием, – оттуда водичка мутная потечёт. Если бы девица осталась жива, пузыри и до размеров бычьего глаза раздуться могли. Потом они всегда сами лопаются, и на коже в том месте рана остаётся. Неглубокая, но болит сильно и не заживает долго. Если раны множественные, то лихорадит человека сильно, не все выживают.

– Да вы ещё и доктор? – Искренне восхитился Ладвиг. – Повезло мне!

– Поживёшь с моё, сержант, и не такому ещё научишься, – усмехнулся Виланд.

– Значит, всё-таки демон... Магистрат не слишком обрадует это известие.

– Выходит так. По траве они следов никогда не оставляют. Разве что... – стражник огляделся по сторонам, – ...по деревьям он вдруг скакал.

– А они умеют?

– Умеют, – кивнул Виланд. – Цепляются пальцами, раскачиваются, будто на верёвке, и летят вперёд, как из пращи. Деревья той слизи ядовитой тоже не любят. Если в том месте кора тонкая, сжигает её, словно огнём. Дерево не погибнет, заживит постепенно рану, но шрам уродливый всё равно остаётся. Приметный.

– Предлагаете все деревья здесь облазить? – С сомнением покачал головой Ладвиг.

– Все, пожалуй, не требуется. А вокруг поляны можно. Парнишка в команде есть мелкий. Бруно. По деревьям не хуже кота лазит. Можно ему поручить.

– Согласен. – Сержант обратил внимание на лежавшую рядом с жертвой корзинку с крышкой. – Её вещи не осматривали?

– Я не позволил. Ни ребятам нашим, ни хлыщу магистратскому. Этим делом, говорю, должен заниматься дознаватель.

Ладвиг кивнул и принялся осматривать вещи убитой. Распространённая среди селян, сплетённая из тонких прутьев корзинка лежала кверху дном. Оказалось, что ручка была сломана и глубоко ушла внутрь, заклинив откидывающуюся вверх плетёную крышку.

– Похоже, придавила её девица, когда падала, – предположил Виланд.

Сержант взвесил на ладони корзинку, освободил крышку и откинул её в сторону. Содержимое корзины немало удивило обоих следователей. Практически всё внутреннее пространство занимала мёртвая курица, обычная деревенская пеструшка.

– Надо же, и в её смерти нужно демона винить, – вздохнул стражник.

– Обломок ручки в крови, а вот и рана. – Ладвиг достал мёртвую птицу и положил на траву. – Пусто. В корзинке больше ничего нет.

– Любопытно... – Нахмурившись, Виланд сдвинул свои кустистые брови и стал похож на филина. – Нести в город одну единственную курицу...

– Ночью, – напомнил сержант и вдруг хлопнул себя ладонью по лбу. – А с чего это мы решили, что она шла в город, а не наоборот? Купила на рынке курицу и шла с ней к себе домой.

– Идти она могла куда угодно, в том числе из города. Но, есть тут одна неувязочка. Ночью, молодая девица, да ещё без провожатого, ни за что не осмелится уйти далеко от дороги. Тут днём-то, бывает, что шалят лихие людишки, а уж ночью...

– Значит, был у неё повод сторониться людей.

– Не уродина, и не прокажённая. Какой ещё повод? И где же ты видел, чтобы селяне покупали на городском рынке кур? Всё происходит наоборот.

– Может, это особенная порода?

– Не смейся... – Виланд осёкся и, взяв в руки курицу, стал мять её тушку в руках. – Любопытно... Полный зоб.

Он снова достал свой кинжал и одним взмахом разрезал несчастную курицу. Сержант скептически улыбался, наблюдая за действиями стражника, пока не услышал удивлённый возглас.

– Ого! Вот это улов! Посмотри, Ладвиг, это и впрямь особенная порода. – Виланд высыпал на ладонь содержимое куриного зоба и показал дознавателю полную горсть золотых крупинок.

– А Магистрат думает, что все их проблемы ограничиваются только демоном. А у нас здесь демон плюс контрабандное золото.

– Стоит ли привязывать демона к золоту? Не мог же он специально охотиться на курьершу.

– Наверное, не мог, – согласился сержант. – Скорее всего, они встретились здесь случайно, но всё это не отменяет главного вопроса: откуда взялся демон?

– Магистрат, конечно, первым делом задаст тебе именно этот вопрос, – стражник аккуратно извлёк из куриного зоба все золотые крупинки и высыпал их на заранее приготовленную тряпицу. – Но подразумевать он будет совсем другое: где демон находится теперь? Если эта тварь свободно разгуливает по окрестностям Энгельбрука, никто не может чувствовать себя спокойно.

– У меня есть к вам деловое предложение, Виланд. – Сержант давно уже принял решение и ждал подходящий момент, чтобы его озвучить. – Дознавателю не обойтись без толкового и опытного помощника. Как вы смотрите на то, чтобы на пару декад оставить караульную службу и поступить в полное моё распоряжение?

– Это очень лестно для такого старого служаки, как я, – было заметно, что Виланда смутило неожиданное предложение сержанта, – у меня семья, которую нужно содержать... Не обижайся, Ладвиг, ты славный парень, но моё денежное довольствие – это единственная их надежда...

Ладвиг сразу понял причину беспокойства стражника и осторожно спросил:

– Долги действительно так велики?

Виланд отвёл глаза и шумно вздохнул:

– Да, времена наступили тяжёлые, а мы, хоть и не жили никогда на широкую ногу, но и сухую корку в пиве никогда не размачивали. Когда первый раз берёшь под расписку, кажется, что ненадолго и быстро закончится. Беды пройдут стороной, всё образуется и будет, как прежде. Оглянуться не успеваешь, как у тебя накапливается целый ворох долговых расписок. А по первым из них уже нужно расплачиваться... Я уже боюсь каких-либо перемен... Лучше воробей в руках, чем голубь на крыше.

Последнюю фразу можно было понимать двояко. «Воробьями» в Энгельбруке называли городских стражников за небольшие декоративные крылышки на шлеме. Хотя, некоторые обыватели утверждали, что это прозвище связано с исключительной храбростью бойцов городской стражи. Дескать, они всегда готовы бесстрашно разогнать толпу нищих, но моментально запираются в караульных башнях при виде мало-мальски серьёзного противника.

– Вы недооцениваете мою заинтересованность в вас, равно как и щедрость Магистрата, – Ладвиг ободряюще улыбнулся и похлопал рукой по тубусу. – Я имею право рекрутировать трёх человек и гарантировать им сохранение их заработка. Но зачем нужны трое, когда у меня в помощниках будете вы. Насчёт долгов тоже не беспокойтесь. Я не обязан ни перед кем отчитываться по поводу расходов, а если и придётся когда-нибудь это сделать, то легко смогу обосновать необходимость оплаты долгов вашей семьи.

Стражник зажмурился, нервно смахнул что-то с лица ладонью, посмотрел на сержанта увлажнившимися глазами, но от волнения не смог произнести ни слова.

– Думаю, что правильно вас понял. С этого мгновения, властью, данной мне Магистратом города Энгельбрука, я назначаю вас своим помощником. Ваше непосредственное начальство, Виланд, я уведомяю об этом сам. А пока отправляйтесь в ведомство ночного мастера, пусть пошлют людей, чтобы перевезти тело в мертвецкую. Если объявятся родственники, придётся проводить опознание.

– Уже сделано, Ладвиг, – стражник пришёл в себя и теперь снова выглядел бодро и подтянуто, – повозка должна уже прибыть к Южным воротам. А могильщики ошиваются где-нибудь поблизости. – Сказав это, он залихватски свистнул.

Кусты на дальнем краю поляны зашевелились, пропустив бойца городской стражи и двоих могильщиков в серых балахонах.

– Что бы я без вас делал, – восхитился Ладвиг. – Как же получилось, что такой организаторский талант прозябает в нижних чинах?

– Это долгая и невесёлая история, – нехотя произнёс Виланд, наблюдая, как могильщики заворачивают тело в большой кусок грубой ткани, – я обязательно вам её расскажу, но не сейчас.

– Не вы один дока по части невесёлых историй. Отправляйтесь улаживать свои семейные дела, а я пока навещу вашего командира. Мне сегодня необходимо посетить Магистрат, они должны иметь представление о ходе расследования. Встретимся завтра утром.

– Я знаю, где вы квартируете, сержант. – Стражник кивнул на прощанье и уже собрался уходить, но остановился и спросил: – У вас уже есть планы на завтрашний день?

Ладвиг призадумался, но ничего определённого сказать не смог.

– Тогда я вам настоятельно советую посетить с утра ведомство ночного мастера. Там должны будут осмотреть тело на наличие особых примет. Ежели таковые отыщутся, это сильно поможет в опознании.

– Ну, такое радостное заведение, как мертвецкая, мы навестить всегда успеем.

– Не скажите... – Виланд издал короткий смешок, – вам приходилось когда-нибудь присутствовать на опознании тела, пролежавшего там несколько дней? То ещё зрелище, и не только зрелище...

– Понял. Спасибо за совет. А вы, если не затруднит, отправьте Бруно осматривать деревья.

Обратный путь к воротам Ладвиг старался преодолеть как можно быстрее. Приближалось обеденное время, а у него с утра, а если быть точным, то с ночи, во рту не было ни крошки. Можно было сразу же отправиться на квартиру – Грета наверняка что-нибудь приготовила. Но туда пришлось бы добираться верхом, а в животе уже сейчас урчало так, что ещё немного и по округе начнёт разноситься эхо.

«Забегу куда-нибудь перекусить по-быстрому. А потом в Магистрат. Они там, в обеденное время не слишком настроены заниматься проблемами города».

Размышляя подобным образом, сержант вышел к старому крепостному рву и повернул налево, когда сзади его кто-то окликнул.

– А-а, «фрау Матильда», – вспомнил стражника-засоню Ладвиг, – пошарил во рву?

– Так точно, господин сержант! – Солдат вытянулся по стойке «смирно» – Разрешите доложить?

– Докладывай, только быстро, в нескольких словах.

– У меня есть предположение, чем могли заниматься люди, тайно передвигавшиеся ночью по заросшему кустарником рву. Они воровали домашнюю птицу.

– Что? – Насторожился Ладвиг. – С чего ты взял?

– Я обнаружил несколько куриных пёрышек. Вот. – Стражник поднял с земли лист лопуха, на котором были разложены мелкие пёрышки и несколько ниток.

– Вот это да, – пробормотал сержант, – готов прозакладывать свою любимую пивную кружку, что это не совпадение.

– Простите, не расслышал, что вы сказали?

– Ничего. Нитки оттуда же?

– Да. Кустарник густой, одежда постоянно цепляется. Я тоже без потерь не обошёлся, – солдат продемонстрировал разодранный локоть.

– Молодец, – задумчиво произнёс Ладвиг, – как далеко от этого места ты ушёл по следам?

– Почти до самых Восточных ворот. Там заросли стали совсем редкими, и я потерял след. В том месте мною оставлена метка – привязал к ветке пучок ниток и лоскут от одежды.

– Хорошо. – Придав голосу беспечности, Ладвиг сказал: – Теперь мы будем знать, что к нашему делу эти воришки отношения не имеют. Благодарю за службу.

– Рад стараться! – Гаркнул стражник. – Вам понадобятся добытые улики?

– Нет, – небрежно отмахнулся сержант и, заметив, что солдат собирается выбросить перья и нитки, сказал: – впрочем, давай их сюда. Покажу стражникам на рынке. Вдруг там пропадает птица.

Ладвиг завернул в лист лопуха находки и спрятал всё это в карман.

– С этого момента ты закрыл должок, – сказал он на прощанье солдату. – Будем считать, что с твоей стороны никаких нарушений при несении караульной службы я не заметил.

Сержант был всего в нескольких шагах от Южных ворот, когда колокола зазвонили к полуденному богослужению. В это время вкушать пищу в общественных заведениях не полагалось, а всем находящимся дома верующим предписывалось молиться.

«Видимо придётся трястись в седле под завывание пустого желудка. Лишь бы Грета не надумала идти сегодня в церковь... Вот и проверим, насколько благосклонны ко мне сегодня Боги».

На площади перед воротами Ладвига дожидался вахмистр.

– Из оцепления не вернулись трое стражников, – сказал он, – я так понимаю, что все они рекрутированы вами для помощи следствию.

– Не все. Один из них по моему приказу выполнял разведку местности, другой сопровождал могильщиков. В качестве помощника меня интересует лишь рядовой Виланд. Вопрос уже решён. Подавайте докладную вышестоящему начальству, что с сегодняшнего дня он поступает в распоряжение дознавателя.

– Нашёл повод выслужиться, – глухо проговорил вахмистр, недобро поглядывая на сержанта. – Мне уже следует готовиться к инспекции?

Ладвиг перевёл взгляд с мрачного лица начальника караула на его не успевшие потерять свежесть знаки различия и догадался о причине, по которой вахмистр недолюбливал рядового Виланда.

– По этому поводу нам стоит пообщаться, господин вахмистр. Вы сдаёте смену сразу после молебна?

– Да. Я себе организовал что-то вроде кабинета. На сухую вести разговор – только язык об зубы царапать. Пойдём, промочим горло.

– Не откажусь, – согласился Ладвиг. – Я с ночи питался только запахами. Не все из них были способны улучшить пищеварение, но это не лишило меня аппетита.

– Вот и чудесно. – Натужно улыбнулся вахмистр, хотя интонации, с которыми он произнёс эти слова, выдавали его истинное настроение. – Поможете мне справиться с обедом, сержант.

Кабинет представлял собой тесную каморку на первом этаже надвратной башни. Начальник караула сдвинул в сторону ставень, прикрывавший крохотное отверстие в стене под самым потолком, и внутрь проникло ровно столько света, чтобы можно было не ориентироваться на ощупь. Стол заменяла старая бочка, она же служила шкафчиком – несколько дощечек было

выломано, а из тёмного нутра тянуло ароматами ветчины и свежего хлеба. Именно это и достал оттуда вахмистр, добавив к нехитрой снеди большой кувшин пива.

– Монастырское, – сказал он, бережно поставив кувшин на бочку, – не то, что те ополоски, которыми наслаждаются сейчас господа Сиджисвальд и Реджинхард.

Стульями служили бочонки среднего размера, распространявшие неистребимый запах кислой капусты. Вахмистр расстелил на бочке чистую тряпицу, нарезал хлеб с ветчиной и, разлив по кружкам пиво, предложил:

– Отобедаем, а разговоры оставим на десерт.

Сержант не возражал. Он и так старался молчать, боясь, что накопившаяся слюна брызнет, как только он откроет рот.

– Прозит, – не глядя на гостя, буркнул начальник караула и, сделав первый глоток, надолго переключил своё внимание на еду и питьё.

Ладвиг хоть и был поклонником этого сорта пива, не стал претендовать больше, чем на одну кружку. А вахмистр, судя по блаженному выражению лица, попал в свою стихию и не успокоился, пока не увидел дно кувшина.

– Вы неглупый человек, сержант. – Сказал начальник караула, выживая языком среди зубов непрожёванные остатки ветчины. – Едва ли кто-нибудь смог ловко допросить того стеклодува, да ещё так, чтобы он и не заметил этого. Виланд сразу почуял, чьей стороны держаться...

– Я не знаю причин, по которым вы его недолюбливаете, но догадываюсь, что ещё недавно он командовал караулом, охраняющим Южные ворота.

– Он. – Вахмистр в последний раз дёрнул щекой и уставился на сержанта испытующим взглядом. – Не был бы дураком, и сейчас бы командовал. Видать, высоко хотел взлететь. Да забыл, что падают в ту же сторону, куда кланяются.

– Давно вы на этой должности? – Спросил Ладвиг, делая последний глоток.

– Весь короткий сезон и ещё декаду. Недолго, но к хорошему привыкают быстро. Я не хочу терять это место, сержант. Говорю вам на чистоту, без всяких там реверансов. Не знаю, что задумал Виланд, мне кажется, что он затаился и ждёт момента... – Вахмистр поморщился, заглянул в кувшин и недовольно фыркнул. – А сейчас вы даёте ему шанс выслужиться.

– Я не отношусь к вам, или к кому-либо предвзято. И возможностей влиять на кадровый состав городской стражи не имею.

– Сержант... Вы же доверенное лицо Магистрата. Одно ваше слово, и меня могут вышвырнуть отсюда в любой момент...

– Что вы от меня хотите, вахмистр?

– Услуга за услугу, – начал было начальник караула, но затем внезапно схватил Ладвига за руку и с жаром произнёс: – а я ведь могу заблокировать ваше решение. Удивлены? Если я подам рапорт, в котором разнесу рядового Виланда в пух и прах, то его попросту выгонят из стражников, и в качестве помощника он вам не достанется.

Сержант аккуратно, но решительно высвободил свою руку:

– Начнём с того, что это ничего не изменит. Я точно так же смогу привлечь Виланда для помощи следствию, будь он купцом, бродягой, или землепашцем. А вам я не советую баловаться ложными доносами. Все те, кто занимался такими вещами, рано или поздно сами пожинают плоды своих неблагоприятных деяний.

– Простите, – вахмистр отстранился от импровизированного стола и замахал перед собой руками, – на меня нашло что-то... Простите, господин сержант! Больше не повторится!

– Благодарю за угощение, – Ладвиг поднялся со своего места, – думаю, нам обоим следует забыть о сегодняшнем разговоре. Напомню ещё раз, что в мою задачу не входит возвращение рядовому Виланду прежней должности. И примите, на прощанье, один совет: если дисциплина

во вверенной вам команде стражников останется на прежнем уровне, ближайшая инспекция расставит всё на свои места и без моего участия.

Величественное здание Ратуши Энгельбрука, по части помпезности, могло поспорить с некоторыми соборами в других городах Союза Верных. На изящество линий фасада, доведённую до совершенства технику обработки камня и безупречно изготовленные витражи приезжали посмотреть со всех концов Западного герцогства. Ратуша была единственным зданием на площади, не пострадавшим во времена междоусобиц, когда пылали города и стирались с лица земли целые деревни. Горожане даже сочинили легенду, объясняющую причину, по которой безжалостная судьба пощадила прекрасное творение человеческих рук.

Согласно легенде, армия захватчиков вступила в Энгельбрук перед закатом солнца. Прогдвигаясь к дворцу Ангельский Мост, закованное в железо воинство крушило всё на своём пути, оставляя позади разграбленные дома со сдёрнутыми с петель дверями и выбитыми окнами. Все, кто не смог спастись бегством, напрасно молили о пощаде, принимая быструю смерть от меча или стрелы. Во главе армии, на огромном вороном жеребце ехал предводитель, храбрость которого не знала границ и могла соперничать только с его жестокостью. Красота и изящество столичного города вызывали у командующего болезненную неприязнь. Глядя на величественные здания, церкви и мосты, предводитель мрачнел и, в угоду своему вождю, армия безжалостно истребляла всё, на чём задерживался его безумный взгляд.

Когда тяжёлые подковы коня высекли первые искры из камня мостовой на Главной площади города, уцелевшие жители Энгельбрука, укрылись в Ратуше. Лучи заходящего солнца и зарево пожаров отразились от огромных витражных окон здания, явив изумлённым взглядам пресытившихся погромами и убийствами захватчиков удивительную картину. Солнечный свет соткал в небе над площадью восхитительный узор, сумевший тронуть своей красотой очерстевшие души суровых воинов. Руки их сами собой разжались, и обогрëнное кровью оружие со звоном упало на землю. Предводитель не смог вынести сияющего великолепия, взмахнул рукой, он отдал своим войскам приказ уничтожить Ратушу. Но армия не подчинилась командующему. Покорившие десятки городов, оставившие после себя сотни жертв, захватчики осознали, что вся их предыдущая жизнь ничто, по сравнению с открывшимся перед ними зрелищем.

В бешенстве предводитель поднял на дыбы своего жеребца и самолично бросился в атаку. Закованный в броню конь послушно взял разбег и понёсся вперёд, своей тяжестью дробя камни мостовой. Сияние проникало сквозь забрало шлема его всадника и нестерпимо жгло покрытое боевыми шрамами лицо. Не выдержав, предводитель захватчиков зажмурился и вскинул левую руку, защищаясь от света. Поводья натянулись, жеребец принял влево, отклонившись от первоначального направления. Ослеплённый разноцветными бликами конь вынес своего всадника на берег реки, ограничивавшей площадь с северной стороны и, проломив каменную балюстраду, рухнул в воду. Оставшаяся без предводителя непобедимая армия в тот же день оставила город, рассеявшись без следа, словно туман под лучами восходящего солнца...

Неизвестно, когда возникла эта красивая история, но она передаётся горожанами из поколения в поколение. Никто не знал, случилось ли в действительности то, о чём говорилось в легенде. В разных местах площади камни мостовой были раздроблены, и многие до сих пор верят, что это сделали копыта огромного коня. Местные очень любят рассказывать гостям города, как пять или шесть длинных сезонов назад из реки была поднята большая ржавая подкова, рассыпавшаяся в труху, как только её попытались рассмотреть поближе. Некоторые из видевших подкову, утверждали потом, что это был всего лишь фрагмент кованой решётки, какие часто используются в качестве ограждения на тех мостах, под которыми запрещено проплывать лодкам. Но даже те, кто не верит старинной легенде, часто приходят

по вечерам на Центральную площадь Энгельбрука, чтобы полюбоваться на игру солнечного света в огромных витражных окнах Ратуши.

Ладвиг оставил Фитца на попечение шустрых мальчишек, которые зарабатывали деньги тем, что присматривали за лошадьми прибывавших на Главную площадь всадников. Всем им приходилось здесь спешиваться, исключая герцогскую свиту, гонцов с особыми полномочиями и пользующуюся особой привилегией рыцарскую конницу.

Сержант прошёл мимо парадного входа, обойдя группу зевак, раскрыв рот глядящих на смену караула и нырнул в неприметный узкий переулок между Ратушей и зданием Купеческой Гильдии. Он постучал в дверь условным стуком и, спустя несколько мгновений, был уже внутри. Представиться не пришлось, все караульные знали Ладвига в лицо.

– Вас ожидают, – сказал стражник и указал в сторону ведущей на второй этаж лестницы.

Там находился Зал заседаний Городского Совета. Сержант не ожидал, что ему придётся отчитываться перед всеми советниками Магистрата. Он надеялся получить дополнительные сведения о ранних происшествиях с участием демонов и пока не был готов давать объяснения по поводу нового убийства. Пытаясь привести в порядок мысли и соорудить что-то напоминающее связное донесение, Ладвиг поднялся на второй этаж. Небольшая дверца, через которую обычно заходила прислуга, была приотворена, словно приглашая его войти. Сержант остановился в шаге от дверного проёма и, оглядевшись по сторонам, прислушался. Когда в одном помещении находилось более одного ратмана, оттуда обязательно доносились голоса. У советников всегда имелись темы для обсуждения, будь то судебные заседания, городской бюджет или торговые пошлины. Из зала не доносилось ни звука, и Ладвиг приободрился, понимая, что Совет ратманов выслушивать его не будет.

В просторном помещении, высота потолков которого мало чем уступала городскому собору, находился всего один человек. Он стоял у окна и наблюдал за жизнью города через прозрачные стёкла нижних фрагментов знаменитого витражного окна. На его плечи был накинут длинный плащ тёмно-красного цвета, напоминавшего выдержанное вино. Того же цвета берет с золотым шитьём дополнял наряд ратмана.

Сержант немного подождал, затем осторожно кашлянул. Высокие стены моментально усилили негромкий звук, и стоявший у окна человек обратил на него внимание.

– Добрый день Ладвиг. – Достигший преклонного возраста ратман говорил тихим надтреснутым голосом. – Я надеялся, что ты найдёшь время, чтобы зайти ко мне.

– Добрый день, господин советник. Я пришел, скорее за указаниями, нежели с результатами расследования.

– Разумеется, – Олдрик по-отечески улыбнулся, окинул помещение быстрым тревожным взглядом и, коснувшись рукой подбородка, провёл указательным пальцем по губам. – Ты старательный юноша, но Магистрат не требует от тебя невозможного.

Ладвиг почтительно склонил голову и одновременно дал понять, что понял предостережение:

– Я рад, что вы мне доверяете. Постараюсь выполнить возложенную на меня миссию.

– Прежде всего, друг мой, я хотел бы спросить вот о чём. Оправдались ли наши подозрения? – Олдрик сделал едва заметное движение головой, призывая утаить правду.

– Ничего определённого, – начал говорить сержант, следя за реакцией ратмана, а увидев поощряющий кивок, продолжил: – следствие располагает всего одним свидетелем, который был не слишком трезв в тот момент, когда совершалось преступление. Его показания не позволяют в подробностях реконструировать происшедшее и сделать соответствующие выводы.

Говоря это, Ладвиг сделал вид, что задумался, встретился глазами с Олдриком и выразительно моргнул. Старый ратман вздрогнул, пытаясь сдержать эмоции, поспешно отвернулся к окну. Когда он вновь повернулся к собеседнику, только дрожание пальцев выдавало степень овладевшего им волнения.

– Мне сообщили, что убитая была совсем юной особой. Прискорбно старику слышать о том, как гибнет молодёжь. Её имя уже установлено?

– Никак нет, господин советник. Она, скорее всего не горожанка. Будет очень трудно...

– Работайте над этим, – суровым голосом перебил его Олдрик, с преувеличенной строгостью сдвинул брови и скосил к носу глаза, показав, как он на самом деле относится к своему приказу.

– Так точно! – Вытянулся сержант, размышляя о том, как бы сообщить ратману про найденное контрабандное золото. – Некоторые вещи, лежавшие рядом с телом жертвы, могут быть интересны господину советнику.

Олдрик подслеповато сощурился, разглядывая пригоршню золотого песка, обнаруженного в курином зобе.

– Это действительно принадлежало ей?

– У следствия есть все основания так считать. – Ответил Ладвиг, гадая, каким будет следующий вопрос ратмана.

– Это золото наверняка было добыто нелегально. Неужели она несла его в открытую?

– Нет. Спрятала, и очень изобретательно. – Сержант не стал распространяться, каким образом несчастная девица транспортировала драгоценный металл. Он даже не предполагал, что тема контрабандного золота окажется настолько обыденной.

– Подытожим. – Олдрик встал вполоборота к окну так, чтобы видеть пальцы его прикрытой плащом правой руки мог только Ладвиг. – Крайне важно узнать имя убитой (небрежный жест несколькими пальцами). Магистрату известно о нелегальных поставках золота в город. До сих пор преступникам удавалось скрывать свои методы. Необходимо провести тщательное расследование (вытянутый вверх мизинец дал знать об истинном приоритете задачи). И напоследок. Если удастся, выясни, кто же лишил жизни юную особу (поднятый указательный палец подчеркнул особую важность сказанного).

– Будет исполнено!

– Хорошо. Тебе должны были сообщить, что Магистрат не собирается придавать происшедшее широкой огласке. Убийство из-за контрабандного золота – не тема для досужих обсуждений. Постарайся, получать сведения так, чтобы не выболтать лишнего.

– Нет ли у господина советника предложений по ведению следствия? – Деликатно осведомился сержант.

– О, нет, – улыбнулся ратман, – я уверен, что ты справишься. Могу дать один совет, касающийся золота. В Западном герцогстве всего три прииска, откуда оно поступает в Энгельбрук. Специалисты говорят, что имеются некоторые отличия между золотым песком, добытым в разных местах. Понимаешь, к чему я клоню?

– Мне нужно посетить все три месторождения.

– Всё гораздо проще. Один из учёных мужей, Фостинус его имя, занимался сравнительным анализом добываемого на приисках золота. Насколько я знаю, он достиг в этом деле значительных успехов. За это Магистрат выделил ему в городской библиотеке помещение под лабораторию.

– Спасибо за помощь, господин советник! Я могу быть свободен?

– Конечно, мой друг. Я верю, что ты найдёшь правильный путь. – Олдрик отвернулся к окну, и остаток фразы прозвучал едва слышно: – Кто знает, на какой берег он тебя выведет.

Ладвиг не понял значения последних слов ратмана, но переспрашивать не стал, опасаясь сказать что-нибудь невпопад. Он начал догадываться, почему Олдрик принял его в Зале заседаний.

«В этом месте тихий голос советника мог быть услышан без особого труда. Ратман очень хотел, чтобы подслушивавший человек не пропустил ни слова из их разговора. Но для кого предназначалась эта театральная постановка?»

Сержант вышел из Ратуши через центральный вход. Городская библиотека находилась совсем недалеко от того места, где он оставил своего коня. Невзрачное с виду здание долго оспаривали между собой Цех сапожников и Цех шорников, которые усердно пытались его выкупить у пришедшей в упадок Гильдии поэтов. Во времена, когда рыцарские турниры проводились не менее чем одиннадцать раз в декаду, сочинители были очень востребованы. Каждого рыцаря сопровождали два, а то и три поэта, соперничавших за право воспеть все его добродетели. Междоусобные войны сильно проредили ряды рыцарства, и турниры стали уступать место менее жестоким и опасным забавам. Денежная река, щедро наполнявшая карманы членов Гильдии поэтов обмелела, превратившись в тоненький ручеек. Содержать здание, расположенное в престижном районе города, сочинителям стало совсем нелегко, и они выставили его на продажу.

Желающих иметь своё представительство на Главной площади Энгельбрука хватало. В Гильдии поэтов к тому времени единства не осталось совсем и несколько мастеров, каждый из которых считал олдерменом именно себя, вели переговоры о продаже здания. Когда всё это открылось, случился большой скандал, и сочинителям пришлось объявить о роспуске своей гильдии. Из претендовавших на здание остались только сапожники и шорники, утверждавшие, что заплатили значительных размеров задатки. Судебная тяжба между этими Цехами не привела к победе ни одной из сторон, но серьёзно обогатила адвокатов, успевших на этом деле сколотить себе состояние. Когда ситуация стала патовой, в судебный процесс вмешался Магистрат, не жаждавший видеть ни сапога, ни седла на вывеске злополучного здания.

Достаточно было дать несколько выгодных подрядов и сделать незначительные уступки каждому из враждующих Цехов, чтобы они добровольно отказались от претензий на здание в пользу города. Одно то, что предмет судебного разбирательства не достался сопернику, в равной степени устраивало и сапожников и шорников. А решающим аргументом стало оглашение списка долгов, который оставила после себя Гильдия поэтов. Новому владельцу здания пришлось бы выплачивать немалые суммы, к тому времени уже превысившие стоимость покупки. Магистрат отремонтировал обветшавшее здание и организовал в нём публичную библиотеку, перенес туда книги и свитки, ранее занимавшие несколько помещений Ратуши. От Гильдии поэтов осталась только вывеска, на которой были изображены свиток и лютия. Вывеска была заказана в те дни, когда сочинители не знали недостатка в средствах, поэтому, даже после стольких длинных сезонов, вывеска имела вполне приличный вид.

До сегодняшнего дня у Ладвига никогда не было повода для посещения городской библиотеки. Читать он умел и даже мог написать короткую записку, используя, в основном заученные фразы. На большее у него не хватало ни времени, ни желания, а по сравнению с остальными унтер-офицерами городской стражи Энгельбрука, сержант и так мог считаться образованным человеком. В это он и сам верил до тех пор, пока не перешагнул порог бывшей штаб-квартиры Гильдии поэтов. Ни одно из виденных им ранее мест в окрестностях Энгельбрука, кроме, пожалуй, монастырской пивоварни, не произвело на Ладвига такого эффекта, как зал на первом этаже библиотеки. Такого множества книг, заполнявших огромные, от пола до потолка стеллажи, ему встречать ещё не доводилось. Учитывая немалую стоимость каждого тома, даже изготовленного на печатном станке, на полках лежали несметные сокровища. Что уж было говорить о редчайших рукописных фолиантах, чудом уцелевших во времена, когда умение читать не могло конкурировать с умением владеть клинком.

В просторном зале находилось несколько человек, из них двое, подобно сержанту, ошеломлённым взглядом обводили ряды стеллажей. Служителем библиотеки оказался человек, который стоял за конторкой возле дверей и на книги не обращал никакого внимания.

– Добрый день, – поздоровался Ладвиг, – где мне найти учёного мужа по имени Фостинус?

Библиотекарь, болезненного вида мужчина, больше напоминающий аскета, никогда не прекращающего пост, обвёл сержанта удивлённым взглядом с ног до головы и сказал:

– Доктор Фостинус не принимает студизусов в послеобеденное время. Полный желудок отбивает охоту к учению, говорит он. А вы вообще не похожи на студента.

– Я здесь по поручению Магистрата, – вежливо сказал Ладвиг, уже догадавшись, как нужно разговаривать с этим книжным червём. – Требуется консультация уважаемого доктора Фостинуса по ряду вопросов, связанных с добычей полезных ископаемых.

Неясно, что произвело большее впечатление на библиотекаря, «консультация» или «полезные ископаемые», но он явно не ожидал от стражника таких оборотов речи. Редкие, еле заметные на жёлтом морщинистом лице брови поползли вверх, служащий библиотеки повторно осмотрел Ладвига и произнёс гораздо дружелюбнее:

– Я сожалею, господин сержант. Нельзя просто так оторвать доктора Фостинуса от его занятий наукой. Я не могу сделать исключение даже для представителя Магистрата. Приходите... – библиотекарь сверился с какими-то записями, – через день. В праздник Заступничества Великой Матери. В этот день студизусов не будет. В отличие от простых бюргеров, доктор Фостинус не склонен предаваться обжорству, пьянству и разврату по праздникам, поэтому продолжит занятия у себя в лаборатории. Приходите в канун третьего полуденного звона. Чтобы я мог внести вас в список приглашённых, назовите, пожалуйста, ваше имя и род занятий.

– Ладвиг, дознаватель Магистрата с особыми полномочиями, – отрекомендовался сержант. – Я могу взять с собой на встречу помощника?

– Можете. Для разговора с доктором Фостинусом у вас будет интервал времени между двумя ударами малого колокола. А если он найдёт общение с вами интересным, то не станет ограничивать время беседы.

– Между двумя ударами... – Задумался сержант. – Не так уж много...

– Поэтому вам нужно заранее подготовить список вопросов, выделить наиболее важные из них и задать их в самом начале.

«По-моему, попасть на аудиенцию к его светлости, герцогу Кэссиану гораздо проще, чем к этому учёному. – Подумал Ладвиг, выходя из библиотеки. – Зачем же так важничать, будто от его научных занятий зависят судьбы всего мира».

Теперь можно было, с чистой совестью подвести итоги. На сегодня сержант больше ничего не планировал, намереваясь продолжить расследование завтра, после встречи с Виландом.

«Сразу поехать домой, или прикупить вкусностей для небольшого праздничного ужина по поводу нового назначения?»

Ладвиг выбрал второе и направил коня по улочке, ведущей к торговым рядам. В послеобеденное время людей на рыночной площади поубавилось, но торговля продолжалась. Сержант не стал влезать в толпу торгующих и торгующихся, где всегда шныряет мелкое ворьё, не брезгующее никакой, даже самой малой добычей. К тому же на нём был мундир городской стражи, поэтому сержант не желал быть втянутым в постоянно возникающие разборки между торговцами. Ладвиг предпочёл воспользоваться услугами одного из бойких молодцов, чувствующих себя на рынке, как рыба в воде.

Парень внимательно выслушал заказ и даже прикинул предварительную стоимость покупок. Потом он задал несколько уточняющих вопросов по качеству вина, в основном для того, чтобы понять, является ли покупатель знатоком. Сержант, давно изучивший уловки рыночных посредников, показал себя утончённым ценителем. Парень сразу сообразил, что такому покупателю не удастся всучить, что попало, и заломил за свои услуги несусветную цену.

– Любую половину от этой суммы, – усмехнулся Ладвиг.

– Благородный господин! – Возопил посредник. – Я и так беру с покупателей меньше остальных, и этого едва хватает на хлеб!

– Любую половину от этой суммы, – повторил Ладвиг, – а если не согласишься, я отправлю тебя за покупками не к тем торговцам, с которыми ты в доле. Поверь мне, что потеряешь гораздо больше, если они увидят, как ты берёшь товар у их конкурентов.

– Кто вам сказал про торговцев? – Парень подозрительно посмотрел на сержанта и нервно оглянулся по сторонам.

– Ты сам и сказал.

– Когда? Я вас обслуживаю впервые!

– Посуди сам. Заказанное мною вино продаётся только у Ингваза или Хайнца. Ты назвал цену Ингваза. Сыр можно было взять дешевле у Фестера, но ты назвал цену его брата Филиппа. Дикий мёд дешевле можно было купить с утра, но сейчас, в послеобеденное время на рынке, скорее всего, остался только Юрген, а его цену я знаю. Мне продолжать?

На лице парня появилось тоскливое выражение. Похоже, он уже пожалел, что связался с таким неуступчивым клиентом.

– Мужественный и великодушный рыцарь не может быть таким бессердечным, – грустно произнёс он, глядя на сержанта большими доверчивыми глазами. – Мой заработок – единственная надежда нашей несчастной семьи...

– Стоп. – Оборвал его Ладвиг. – Такие песни можешь петь возле церкви, прося милостыню. А я всё это уже слышал. Про то, как отец спился и утонул в реке, а мать готова отправиться в бордель, лишь бы прокормить пятерых голодных сирот.

– Согласен, – буркнул парень. – За вино требуется внести задаток.

– Скажешь Ингвазу, что берёшь для сержанта Ладвига.

– Но, господин...

– Не следует приманивать ястреба, оставляя без присмотра цыплят. Я не хочу, чтобы тебя внезапно ограбили по дороге. Шевелись, а то найду кого-нибудь порасторопнее.

Посредник моментально исчез в толпе. Парень оказался не новичком в своём деле и вернулся быстро, в точности исполнив заказ.

– Вино настоящее, без обмана. Все пробки залиты красным сургучом. Печати целые, – отчитался он, перекладывая покупки в седельные сумки, – дикий мёд у Юргена уже закончился, поэтому всё вышло на пять медных монет дешевле.

– Оставь себе. – Сказал Ладвиг, отсчитывая деньги. – Это тебе за честность.

– Благодарствую, – просиял посредник, но уходить не спешил. – Так случилось, что мне стало известно ваше имя, благородный господин. Кое-кто из ремесленников хотел бы сделать вам выгодное предложение.

– Ну, ты и пройдоха! – Восхитился сержант. – Когда успел?

– Я не из последних в своём деле, господин. – Самодовольно ответил парень. – Ваш хороший знакомый, оружейник Корбл, будет рад видеть вас у себя в лавке.

– Корбл, – задумчиво произнёс сержант, – настырный...

Два длинных сезона тому назад Ладвиг поступил в городскую стражу Энгельбрука, а ещё через сезон стал сержантом-инструктором по клинковому оружию. Магистрат выделил средства на перевооружение стражи, заказав большую партию лёгких мечей с гардой в виде полукорзины. Относительно тяжёлый эфес смещал баланс клинка в сторону рукояти, но обучаемые сержантом бюргеры признавали только рубящие удары, орудия изящным оружием так, словно разрубали тяжёлым тесаком свиную тушу. Посмотрев, как обращаются доблестные стражники с лёгким мечом, Ладвиг на первых порах впал в уныние, не надеясь привить им культуру владения оружием. Понадобились долгие декады упорных занятий, прежде чем стражники научи-

лись наносить точные колющие удары, а также умирять дебоширов и разгонять всякий сброд, применяя только гарду.

Положа руку на сердце, сержант был не в восторге от этого оружия, втайне называя меч стражника кинжалом-переростком. Слишком лёгкий, чтобы рубить, слишком короткий, чтобы держать неприятеля на расстоянии, лёгкий меч годился только для скоротечных групповых стычек и был абсолютно непригоден для сражения один на один с серьёзным противником. Скорее, он был просто символом власти, и несведущие в оружии жители Энгельбрука с уважением поглядывали на охранявших город стражников. Ладвиг тоже носил перевязь с лёгким мечом, но рука скучала по более серьёзному клинку, тем более что унтер-офицерам разрешалось использовать на службе другое оружие, приобретённое на собственные средства.

Подыскивая замену лёгкому мечу, сержант заметил в одной из лавок на улице Оружейников великолепный образец клинкового оружия, чем-то похожий на риттершверт – знаменитый рыцарский меч, но с относительно узким лезвием и более изящный. Своего рода, тяжёлая рапира, вес которой позволял использовать её и для рубящих ударов. Изысканное оружие обладало широкими возможностями, оценить которые были способны далеко не все мастера фехтования. Похоже, рапиру делали на заказ для весьма состоятельного человека, немало заплатившего за богато украшенную сложную корзинчатую гарду и рукоять в форме полуобнажённой красавицы.

Рапира украшала витрину в лавке, принадлежавшей Корблу – торговцу, не имевшему никакого отношения к созданию оружия. Его заведение представляло собой нечто среднее между ломбардом и лавкой старьевщика, где оседали разнообразные мечи, топоры и кинжалы вперемешку с древковым оружием и помятыми фрагментами доспехов. Состояние клинков, как правило, было ужасным, и Корбл спускал свой товар за бесценок не гнавшимся за качеством горожанам. Кое-кто из кузнецов-оружейников заглядывал к нему и забирал для себя те образцы, которые ещё можно было довести до товарного вида. Неизвестно как попавшая сюда рапира была в отличном состоянии и в окружении ржавого зазубренного железа смотрелась, как голубица среди воронья. Хозяин лавки догадывался о её высокой стоимости и терпеливо ждал покупателя, который по достоинству оценит это чудо кузнечного искусства.

В тот день Корбл прочёл неподдельный интерес в глазах Ладвига, замершего напротив витрины его лавки и долго уговаривал сержанта приобрести понравившееся оружие. Причём, основным достоинством рапиры хозяин лавки считал вычурный эфес – бесполезное для настоящего воина украшение. Запрошенную Корблом цену мог осилить только офицер, а никак не сержант-инструктор городской стражи. Ладвигу оставалось только вздохнуть, проглотить слюну и удалиться, борясь с желанием обернуться и ещё раз бросить взгляд на прекрасный клинок.

Трудно было поверить, что Корбл вдруг переменял своё решение и снизил цену рапиры, но желание увидеть её вновь, пересилило все остальные чувства. Едва выехав с рыночной площади, Ладвиг повернул к улице Оружейников, ругая себя за то, что не устоял перед искушением. Он отправился туда кружным путём, не став понукать Фитца, и тот добрался до места неторопливым шагом.

Корбл стоял напротив своего заведения, спиной к подъехавшему сержанту и, вытянув шею, всматривался в противоположный конец улицы. Шум от работы ремесленников в ближайших мастерских заглушил шаги коня, поэтому хозяин лавки не услышал приближения потенциального покупателя. Ладвиг старался не смотреть на витрину, а взглянув туда, не смог сдержать вздоха разочарования – рапиры там не было. Фитц почувствовал настроение хозяина, переступил ногами и негромко заржал, заставив Корбла обернуться. Хозяин лавки несколько мгновений испуганно всматривался в оказавшиеся прямо перед ним лошадиные ноздри, потом сообразил поднять взгляд и расплылся в улыбке, увидев Ладвига.

– Как я рад вас видеть, господин сержант. Хорошо, что вы приняли моё приглашение. – Он лукаво прищурился и добавил: – Я помню, как вы смотрели на тот меч...

Слащавая улыбка торговца окончательно испортила настроение Ладвига, и ему захотелось сказать в ответ какую-нибудь непристойность. Но, считая себя человеком воспитанным, сержант сдержанно поздоровался и сухо произнёс:

– Я бы и сейчас посмотрел, да не на что.

– Вам несказанно повезло! – Корбл заговорщически подмигнул и направился к лавке.

Ладвиг остался на месте, сожалея о том, что этот наглец, скорее всего, пропустит мимо ушей любую дерзость, которая могла бы смертельно оскорбить более чувствительного человека.

– Следуйте за мной, господин сержант! – Хозяин лавки приветливо помахал рукой и скрылся в недрах своего заведения.

Ладвиг спешил только потому, что на ум ему пришла следующая мысль:

«В тесном помещении этого склада ненужных вещей всегда можно споткнуться и нечаянно врезать хозяину по его улыбающейся физиономии».

Зайдя в лавку и немного оглядевшись, сержант оставил эту идею. Споткнуться там действительно не составляло труда, но миновать при падении кучи острого хлама не удалось бы даже тренированному акробату.

Корбл остановился возле стола, заваленного старыми наконечниками копий и достал с полки что-то длинное, завёрнутое в грубую ткань.

– Это будет одна из лучших моих сделок! – С этими словами он развернул свёрток и продемонстрировал Ладвигу лишённый эфеса клинок рапиры. – Один из приближённых герцога Кэссиана обратил внимание на этот меч, но отказался покупать его целиком, сочтя слишком длинным и тяжелым. Благородный господин соизволил приобрести для своей придворной шпаги только гарду и рукоять. Опытный кузнец расклепал оружие и вынул из него клинок, который уже ждёт своего будущего покупателя.

Ладвиг догадался, к чему клонит торговец. Честно говоря, сержант даже не мечтал о такой удаче. Но выдавать свои истинные намерения было нельзя – увидев малейший намёк на заинтересованность, старьевщик тут же вцепится в него, как пиявка. И цена немедленно подскочит.

– Не понимаю, зачем вы меня позвали, – равнодушно произнёс Ладвиг.

Корбл опешил, но сдаваться не собирался:

– Вы же военный человек, сержант. Вы знаете толк в оружии. Я не поверю, будто вам совсем не интересен этот меч.

– В своё время был очень интересен. Старинная работа, безупречное состояние. Разумеется, я не мог себе позволить приобрести такую дорогую вещь...

– Теперь у вас есть шанс это сделать! – Просиял Корбл. – Один клинок продаётся со значительной скидкой. А рукоять и гарду к нему вы всегда сможете заказать.

Ладвиг тяжело вздохнул и грустно посмотрел на торговца:

– Вам не понять меня... Скорее всего вы не знаете истории этого оружия.

– Истории? – Насторожился Корбл, привыкший иметь дело с вещами, чья история ограничивалась тремя позициями: когда-то сделан, кем-то использовался, найден под слоем грязи при чистке сточной канавы.

– Неужели вы не слышали? – Стал на ходу сочинять Ладвиг. – Говорят, что эта рапира принадлежала знаменитому учителю фехтования, Аларду, жившему во времена герцога Леонхарда.

– Да-да-да, – пробормотал Корбл. – Кажется, слышал краем уха.

– Я тоже, в своём роде, учитель фехтования. Представляете, каким счастьем для меня было бы владение оружием, которое держал в руке сам Алард! А теперь вы предлагаете мне лишившийся души простой клинок, какие десятками лежат в кузнечных лавках!

– Надо же, я и не предполагал, – глаза торговца забегали, похоже он прикидывал, не про-
дешевил ли на продаже эфеса.

Ладвиг обречённо махнул рукой и повернулся, собравшись уходить.

– Господин сержант... – раздалось его за спиной.

«Надо ссутулиться и опустить голову».

– Подождите, мне очень жаль...

«А уж мне-то как жаль. Для убедительности сделаю ещё пару шагов».

– Я предлагаю вам очень хорошую скидку...

«Разве не заметно, что меня переполняет скорбь? А он всё о деньгах».

– Господин сержант! – Корбл догнал его у самых дверей. – Мне всегда очень неловко, когда посетители уходят без покупок. Поверьте, я понимаю ваши чувства. Я предлагаю вам этот клинок за совершенно символические деньги.

– Не ожидал, – почти натурально смутился Ладвиг.

– И пусть попробуют обвинить меня в бездушии! – Завопил старьевщик в сторону откры-
той двери, видя, что на улице собираются зеваки.

К удивлению Ладвига, назначенная цена оказалась настолько справедливой, что повода просить о её снижении не было. Видимо Корбл консультировался с кем-нибудь из кузнецов, прежде чем приглашать к себе сержанта. Торговец немного поворчал, разглядывая долговую расписку, но заметив, кто является поручителем, задумался.

– Какое совпадение, – кисло сморщившись, сказал он. – Я недоплатил налогов как раз на такую сумму. Не иначе, как сама Великая Мать благословила нашу сделку, сержант.

Ладвиг знал, кому заказать оснащение клинка эфесом. Неподалёку от лавки Корбла находилась мастерская оружейника Рабана, о котором положительно отзывались все, кто носил при себе меч не для украшения костюма. Сержант не имел точного представления о том, сколько стоят его услуги, но считал, что Магистрат переживёт и эту статью расходов.

«Когда придётся столкнуться с демоном, – думал он, ведя в поводу Фитца, – чем я буду от него отбиваться? Этим ножичком стражника? Им только колбасу резать на бутерброды. С рапирой намного спокойнее будет».

У Рабана оказалась внешность сурового ветерана, прошедшего за свою долгую жизнь немало жестоких битв. Память о них осталась в виде нескольких кривых шрамов, один из которых вертикально делил левое ухо почти на две равные половины.

– Знакомая вещица, – прощамкал старый оружейник. Сразу стало понятно, что пересекавший верхнюю губу шрам был не просто порезом.

– Да её только слепой не видел. На витрине у Корбла лежала почти весь последний длин-
ный сезон. Правда, не совсем в таком виде...

– Да я витрины-то глазами не облизываю. Корбл утром меч приносил, чтобы эфес снять. Я его спрашиваю: а клинок куда девать будешь? Ну, с мыслью тайной. Он цены таким вещам не понимает, а вдруг да продаст за бесценок. Клиент, говорит он, у меня есть – знающий человек. Купит, говорит, обязательно, за большие деньги.

– Он меня когда-то долго уговаривал купить эту рапиру, да цену совсем непосильную назначил.

– А-а, так это он тебя полдня поджидал! А за сколько ты, парень, клинок взял? Или секрет?

– Да какой там секрет, – улыбнулся Ладвиг, вспомнив обстоятельства торга, и честно назвал сумму сделки.

– А я, старый дурак, думал, что меня уже нечем удивить, – сказал, с интересом разглядывая сержанта, Рабан. – На душегубца ты не похож, чтобы под пыткой выгодные условия требовать. На прожженного дельца, что торгуется за каждый грош – тоже. Видно, знаешь ты про Корбля какую-то страшную тайну, какую он очень глубоко в себе хранит и наружу выпустить боится.

– За тайну, поди, бесплатно бы отдал.

– Э, нет. Не таков Корбл. Ничего не заработать – для него это хуже смерти.

– Любит он рассказы про стародавние времена, знаменитых рыцарей, их оружие. Вот вы, слышали про учителя фехтования Аларда, обучавшего воинов герцога Леонхарда?

– Аларда, – задумался оружейник, – нет, не приходилось.

– Как же так? – Засмеялся Ладвиг. – Я же только что вам про него поведал.

– Хитёр. – Одобрительно произнёс Рабан, услышав, каким образом Ладвиг снизил цену. – А Корбл и уши развесил. Давай к делу. Небесную красоту прежнего эфеса я тебе не обещаю. Девиц полуголых мастерить не обучен. Я их и в жизни шупать уже перестал. Встань-ка вот сюда, к свету.

Старый оружейник окинул придирчивым взглядом фигуру сержанта, дал в руку длинную деревянную линейку и предложил проделать несколько фехтовальных упражнений. Потом попросил Ладвига взять в руки меч стражника и внимательно изучил положение пальцев на рукояти.

– Вижу, парень, толк в этом деле ты знаешь... Одно, вот странно... Не знаю, где ты обучался фехтованию. Как будто сразу оружие под полутораручный хват в руки взять готовился.

– Вы правы, мастер, – признался Ладвиг. – Так всё и было.

– Сразу заметно... Левая рука иной раз так и норовит присоседиться. Прежний-то хозяин клинка, похоже, повыше тебя ростом был, а может и для конного боя меч держал. Тебе под одну руку клинок с прежним эфесом не слишком удобен был бы. Мысль так – рукоять сделаем немного длиннее обычной, я проволокой её обовью, чтобы не скользила. Навершие простое смастерю, как яблочко. Вот к нему ты свою левую и сможешь прикладывать. Немного легковат клинок для рубки, нынче-то все колоть норовят. Чтобы рубить было сподручнее, могу яблочко сделать полегче, и баланс немного сместится. Парень ты крепкий – справишься. Тебе меч этот всё равно за спиной удобнее носить будет, так что чашку на гарду я ладить не стану. В былые времена одной перекладки хватало, а руку латная рукавица берегла. Вы, молодые, всё норовите голыми руками за рукоять оружия хвататься, а в наше время это неприличным считалось. Перекладину сделаю широкую в центре, к краям заузу, на манер ромба. И руку сбережёшь, и за спиной мешать не будет.

Ладвиг был просто потрясён тем, как легко Рабан определил особенности его подготовки и выявил предпочтения в технике ведения боя. По сути дела, старый оружейник только что придумал для сержанта меч, способный воплотить в жизнь его не совсем оформившиеся идеи по поводу собственного стиля фехтования. Тяжёлая рапира, клинок которой приобрёл сегодня Ладвиг, относилась к временам окончания междоусобных войн. Заметно поубавившееся дворянство навоевалось до такой степени, что уже не могло выносить самого вида доспехов. Носить с придворным костюмом риттершверт, бастард, а то и цвейхандер было как-то не с руки. Изменилось оружие, а вслед за ним и дуэльный кодекс, сильно повлиявший на форму и размер клинков.

«Да, эпоха тяжёлого рыцарского меча безвозвратно ушла, – вспомнил сержант слова человека, когда-то вложившего ему в руки оружие. – За последнюю полусотню длинных сезонов клинки становились всё тоньше и, по-видимому, скоро совсем превратятся в большие штопальные иглы».

– Чего молчишь? Согласен? Если нет, то клинок укоротим и сделаем обычный эфес под одну руку.

– Нет-нет, всё замечательно, – Ладвиг очнулся от своих мыслей, – признаю, что я сам вряд ли смог бы складно высказать такую идею.

– Ты, парень, погоди меня хвалить. Вот сделаю, потом поглядим. Окончательный баланс оружия выверяют после того, как хозяин его в руку возьмёт.

– Сколько будет стоить ваша работа, мастер?

– Я не ручки для кухонных ножей делаю, – усмехнулся Рабан. – Для каждого меча своя цена. Честные люди, бывало, мне доплачивали. Заказ этот мне самому интересно выполнить. Посмотреть, что получится. Я не Корбл, цену зазря не завишаю, но и торговаться не люблю...

Если бы Ладвиг заранее узнал, сколько захочет взять за свои труды старый оружейник, он бы, пожалуй, и в мастерскую заходить бы не стал. Но Рабан уже успел доказать, что его слава возникла не на пустом месте и в своём деле равных ему нет. Сержант вздохнул, но в мечтах он уже явственно видел свою рапиру, ощущал в ладони рукоять, чувствуя, как мышцам приятна тяжесть великолепного оружия.

– Согласен.

– Возьму задаток. Остальное после того, как баланс выправим. Послезавтра будет всё готово.

«А неплохой, в целом, день сегодня, – думал Ладвиг, возвращаясь, домой. – Чувствую, хлопот у меня теперь прибавится, но это даже к лучшему. Я уже столько времени обучаю кри-воруких стражников, что рискую совсем растерять все свои навыки».

Грета почувствовала настроение своего квартиранта ещё до того, как увидела, с какими покупками он возвратился домой.

– Нельзя же столько времени находиться на службе, господин сержант, – вздохнула она и укоризненно покачала головой. – Но, судя по вашим глазам, начальство вас всё-таки оценило. Вам пообещали серьёзную должность?

– Похоже на то. – Не смог сдержать улыбки Ладвиг. – И по этому случаю, мы устроим небольшой праздник.

– Недаром, у меня сегодня особенно удалась свиная рулька в пиве. – Она потупила взор и добавила: – Как вы любите...

В исполнении Греты Ладвиг любил не только рульку. Вдовушка была не намного старше него и весьма недурна собой. Она души не чаяла в своём квартиранте и была бы не прочь выйти замуж и во второй раз, но, опираясь на весь свой жизненный опыт, догадывалась, что едва ли сможет накрепко привязать Ладвига к себе. Где-то в глубине души Грета знала, что квартирант не навсегда останется сержантом городской стражи. Он был ещё слишком молод, чтобы прозябать на этой должности, обычно предназначавшейся для выслуживших своё ветеранов. И когда карьера Ладвига пойдёт вверх, для Греты места в его жизни, скорее всего не найдётся. Рассудив здраво, она поняла, что пристально глядяваясь из-под ладони вдаль, всегда упускаешь то, что уже и так лежит прямо перед тобой и решила просто наслаждаться своим женским счастьем.

Отношение Ладвига к хозяйке дома было в чём-то схожим. Никаких романтических чувств он к Грете не питал, предпочитая простые взаимоотношения без обязательств и семейных ссор. Он был честен сам с собой, прекрасно понимая, что рано или поздно всё это закончится.

– Доброе утро, господин сержант. Как насчёт моего вчерашнего предложения навестить с утра мертвецкую и расспросить ночного мастера о наличии особых примет на теле убитой?

– Доброе утро, Виланд. Предложение в силе. Мы же с вами вчера договорились обходиться без чинов.

– Ты предлагаешь это в повседневный обычай ввести?

– Почему бы и нет. Я не хочу, чтобы субординация мешала вам свободно высказывать свои мысли, даже если они не совпадают с моими.

– Я согласен, Ладвиг. Но при офицерах, или чинушах магистратских устав буду блюсти неукоснительно, и тебе советую. Они панибратства с нижними чинами не одобряют.

По сравнению со вчерашним днём, Виланад выглядел гораздо увереннее. Ладвиг не стал спрашивать, успел ли стражник рассчитаться с долгами, решив не напоминать о причинах, побудивших Виланда пойти к нему в помощники.

– У меня вчера состоялась приватная беседа с начальником караула у Южных ворот. Он мне кое-что рассказал про вас.

– И что же вам поведал Матиас? – Заинтересовался Виланд. – Командир из него никудышный, а вот по части пива и сплетен он большой дока.

– Очень точная характеристика. А он считает, что вы потеряли свою должность потому, что слишком усердно пытались выслужиться перед начальством. Я знаю вас совсем немного, но успел засомневаться в истинности этого утверждения.

Услышав это, Виланд даже замедлил шаг и недоверчиво посмотрел на сержанта:

– Это всё, что он тебе сообщил?

– Да. Матиас уверен, что вы по своей инициативе примкнули ко мне и стараетесь вернуться на прежнюю должность. – Сказал Ладвиг, поглядывая на реакцию бывшего вахмистра.

Но Виланд, казалось, пропустил эти слова мимо ушей. Он помрачнел, некоторое время над чем-то раздумывал, а после произнёс:

– Этот болван ещё глупее, чем я о нём думал. Ты должен кое-что обо мне узнать, Ладвиг...

– Я не пытался наводить о вас справки, – поспешно перебил его сержант, – просто не могу понять причину, побудившую начальство сменить вас на это ничтожество. Развалил всё, что мог. Дисциплины никакой, оцепление, похоже, было организовано только благодаря вам. Я не собираюсь копаться в вашем прошлом, Виланд, необязательно ничего рассказывать.

– Два коротких сезона назад произошло первое нападение демона. – Сказал бывший вахмистр, не глядя на сержанта. – Чуть позже ещё одно.

– Что? – Ладвиг остановился и оглянулся по сторонам. Ранним утром на улице было немного прохожих, но сержанту показалось, что каждый из них обернулся и посмотрел на них, услышав последние слова стражника.

– Я тогда командовал караулом, я же и начальству докладывал об этом случае. В некотором роде я твой предшественник, Ладвиг. Вот только больших полномочий мне никто не давал. И денежки на расследование не выделялись...

– Почему вы мне вчера об этом не сказали?

– А стоило ли? У тебя и своих забот хватало. Зачем в голове мешанину создавать.

– Подробности, пожалуйста, – негромко произнёс Ладвиг, чувствуя себя каким-то заговорщиком.

– По которому случаю?

– Начните с первого. Сопоставим факты. Сделаем выводы. Мало ли что может пригодиться.

– Изволь. Первой жертвой был какой-то бродяга. Тело обнаружили случайно. Его смерти и значения никто особого не придал. Одним бродягой меньше, одним больше. Кому придёт в голову их пересчитывать. Сам я, в тот раз, повреждений на теле не видел. Один из могильщиков что-то заподозрил. Это он пошёл потом в городскую стражу. Оттуда, как водится, прислали человека для выяснения обстоятельств. Ничего он по сути дела не выяснил, поспрашивал немного у тех, кто ночью в карауле стоял и был таков. Вот и всё по первому случаю. Теперь решай сам, нужно ли было тебе вчера об этом рассказывать.

– Да, – согласился сержант, – никаких серьёзных сведений.

– И я про то же самое. Второе нападение произошло спустя три декады. Свидетели убийства не объявились. В этот раз жертву удалось опознать. Ею оказалась некая Зелда. Занималась она сомнительными делишками. Ворожила, снадобья какие-то из трав делала. Колдунья, одним словом. Девицы молодые к ней постоянно бегали. Горевали после её смерти многие, а вот некоторые наоборот – радовались.

– Нападение случилось ночью?

– Похоже на то. В тех же садах. Чуть дальше, правда, чем в этот раз.

– А что Зелда там делала ночью?

– Кто же их, колдуний, разберёт, – пожал плечами Виланд. – Говорят, травы особые только ночью срывать можно. А некоторые листочки, говорят, собирают только там, где человека жизни лишили. В садах полно дуэльных полян.

– Зелда была убита схожим образом? – Спросил сержант, вспомнив раздробленные позвонки курьерши.

– Да. Старенькая она была, шея и без того тонкая, как у воробышка.

– Очередной удар в область шеи... А как же дело замяли? – Удивился Ладвиг. – Известная, ведь личность погибла.

– Вот на этом-то я и погорел, – тяжело вздохнул Виланд. – Говорить про демона никому из стражников не велели, зато усердно пускался слух, что Зелда продала душу Дьяволу. Мол, помогал он ей во всех её тёмных делах, а когда контракт к концу подошёл, он головы её и лишил и с собой забрал в ад. Даже в этом приврали.

– Так голова при теле была?

– Была. Почти совсем от тела отделилась, на каких-то жилках только и держалась. Но людей решили напугать, чтобы по ночам через сады не бегали. А то встретят там колдуна, или того хуже – самого Дьявола.

– Всякое я слышал про колдунов. – Серьёзно сказал Ладвиг. – Не всегда люди пустое болтают.

– Люди – да. Но слух распускался намеренно.

– И что, – с сомнением поинтересовался Ладвиг, – кто-нибудь поверил?

– Поверили все, – горько усмехнулся Виланд. – Видно, такая уж репутация была у старушки. Я пытался намекнуть начальству, что дело требует более тщательного расследования. Что нужно прочесать все окрестности города. А они, похоже, всерьёз поверили в сочинённую ими самими же сказочку. Так было гораздо удобнее...

– А вас списали в рядовые, чтобы начальство рапортами не донимали. – Догадался Ладвиг.

– Так и было. Матиас для них просто находка.

– Вы сами осматривали тело, Виланд?

– Да. Те же повреждения, что и в этот раз. Но мне показалось, что в случае с Зелдой ударов было два. Первым жертве дыхательное горло перебили, а вторым кости шеи.

– Если я вас правильно понял, каждый из этих ударов был смертельным.

– Да уж куда смертельнее.

– Мне тут пришла в голову одна мысль. А не могло ли быть так, что удары наносились одновременно? Просто, после одного удара пальпы старушка должна была сразу рухнуть на землю.

– Напекаешь на то, что демонов там целая стая была?

– На это меня натолкнули ваши воспоминания.

Виланд некоторое время обдумывал ответ, с сомнением покачал головой и сказал:

– Даже не знаю, что и сказать. Я их сам не видел, а те кто видел...

– Значит, всего было три убийства, – произнёс Ладвиг, подытоживая услышанное.

– Может, и три. Люди, бывает, пропадают бесследно.

– Демон, на наше счастье, трупы прятать ещё не научился, – пошутил Ладвиг.

Некоторое время они шли молча, потом Виланд задал вопрос:

– А как же вышло, Ладвиг, что ты совсем ничего не знал о ранних нападениях? Неужто Магистрат не соизволил ввести тебя в курс дела?

Сержант ответил не сразу. Поразмыслив, он пришёл к выводу, что магистратский служащий, передавший ему тубус с приказом, не имел ни малейшего представления о подробностях убийств.

– Я был вчера в Магистрате и разговаривал с ратманом Олдриком. Странный вышел разговор. Советник сразу дал мне понять, что нас подслушивают, и всячески маскировал свой интерес к убийце. Зато по поводу золота говорил не скрываясь. Так что перед нами стоит ещё одна задача – найти, каким способом оно попадает в город.

– Олдрик очень умный человек, опытный по части закулисных интриг. Он не давал тебе каких-нибудь подсказок, или указаний? Не напрямую, конечно. Зная, что разговор слушают, он мог подсказать хитрым образом, как бы невзначай обронить пару словечек, которые на первый взгляд ничего не значат.

Ладвиг пересказал весь разговор с ратманом, стараясь ничего не упустить. Сообщил Виланду обо всех тайных знаках, которые подавал ему Олдрик.

– Вот и всё. Потом он сказал мне что-то напутственное на прощанье.

– Что именно?

– Мне это показалось несущественным, – Ладвиг, вспоминая, нахмурился, – что-то про берега.

– А нельзя ли подробнее, – стражник явно заинтересовался.

– Подробнее... Он надеялся... что я выберу правильный путь... и неизвестно... на какой берег... он меня выведет. Кажется, так.

Пока Виланд слушал воспоминания сержанта, на его губах несколько раз мелькнула улыбка.

– Скажи, Ладвиг, я так понимаю, что ты не местный? Как давно ты живёшь в Энгельбруке?

– Всего два длинных сезона.

– Ясно. Когда Олдрик произносил напутствие, он, случайно, не смотрел при этом в окно?

– Смотрел. А как вы догадались?

– Понимаешь, Ладвиг, «про берега», это своего рода местная присказка. Когда прямо через город протекает река, всегда возникают подобные поговорки. Представь, что ты стоишь на том же месте, что и Олдрик и смотришь в окно. Что ты там увидишь, на другом берегу реки?

– Ангельский Мост, – не задумываясь, ответил сержант.

– Вот тебе и подсказка.

– Получается, советник намекал на то, что к убийству причастен кто-нибудь из герцогской свиты?

– Может, он и не убийства имел в виду. Я лично не поверю, что у демона с дворцом есть что-то общее. Речь могла идти о контрабанде золота. Ратман Олдрик наверняка знал имя того, кто вас подслушивал. Это тоже должен быть человек, не являющийся уроженцем Энгельбрука. Когда он будет передавать своим хозяевам подслушанный разговор, то едва ли обратит внимание на последнюю фразу.

– Тогда мне сильно повезло с помощником! – Обрадовался сержант.

– Будет тебе, Ладвиг. Начальство тоже меня хвалило. До поры до времени. Кстати, мы уже пришли.

Стоявшее на отшибе здание в районе Речных ворот Энгельбрука было резиденцией палача, или ночного мастера, как его называли в городе. По сути дела он был таким же служащим Магистрата, как и другие чиновники, но его обязанности имели довольно специфиче-

ский характер. Помимо прямых своих функций, связанных с пытками и умерщвлением людей, а также приговорённых к смерти животных, палач руководил чисткой выгребных ям и сточных канав. Для этих работ городская стража сгоняла в его ведомство всех бродяг и нищих, попавшихся при облавах и не способных доказать своё право на сбор подаяния.

Надо ли говорить о том, что попрошайки как огня боялись попасть в такие команды золотарей. Трудиться приходилось ночами по колено в нечистотах за кусок хлеба и миску жидкого супа два раза в день, если конечно оставались силы, чтобы всё это проглотить. Ещё ночной мастер заведовал мертвецкой, где на время следствия хранились неопознанные тела. Под его же руководством происходило их погребение на специально отведённом для этого кладбище.

Палача в городе побаивались. Человек, имевший законное право отнимать жизни у других людей, вызывал в обитателях Энгельбрука суеверный ужас. Никто не рисковал приблизиться к нему на улице, не говоря уж о том, чтобы коснуться, пусть даже случайно, края его одежды. Человек, подвергнутый ночным мастером пытке, даже если он потом был оправдан судом, долгое время считался «нечистым» даже своими родственниками. Он мог обрести свой прежний статус только после того, как проводил декаду, или более в монастыре, целыми днями молясь и соблюдая строгий пост.

Магистратом был введён специальный головной убор, всегда закрывавший верхнюю часть лица палача и короткий чёрно-красный плащ, чтобы отличить его от остальных граждан. Ночному мастеру было запрещено самостоятельно делать покупки на рынке, чтобы не вызывать паники среди покупателей и не создавать тем самым давки. В праздничные дни палач обязан был находиться дома, дабы не смущать своим видом покой отдыхающих горожан. Рассказывают, что один ночной мастер, совсем недавно вступивший в свою должность и не слишком хорошо знавший её особенности, как-то перешёл дорогу свадебному кортежу. Разъярённые друзья жениха гнались за ним до самого его дома, выворачивая по пути из мостовой булыжники и бросая ими в незадачливого палача. Причём камни, достигшие своей цели, никто из нападавших повторно использовать так и не решился. Настолько прочны были суеверия, глубоко пустившие свои корни в сознании простых горожан.

Виланд взялся за тяжёлое кольцо на двери ведомства ночного мастера и постучал. На поверхности двери откинулась часть сложного орнамента, открывая небольшое оконце, откуда что-то негромко спросили. Ладвиг был занят тем, что высматривал среди прохожих знакомых, которым пришлось бы потом объяснять, по какой надобности он пришёл в этот дом. Именно поэтому он и не слышал, что же ответил стражник. Дверь распахнулась ровно настолько, чтобы они успели зайти внутрь, и сразу же стала закрываться. Судя по одеянию, им открыл один из могильщиков, их серые балахоны нельзя было перепутать ни с чем другим. Другой могильщик, согнувшись в три погибели и прихрамывая, нёс большой ворох тряпок, в которых сержант узнал погребальные саваны. Зрелище было не самым радостным и, поспешно отвернувшись, Ладвиг принялся созерцать разных размеров заступы, выстроившиеся в ряд вдоль стены. Виланд перекинулся несколькими словами с открывавшим дверь могильщиком и двинулся к двери в глубине помещения, кивком головы предложив сержанту идти следом.

Ладвиг видел ночного мастера Энгельбрука всего один раз в прошлом длинном сезоне, когда наблюдал публичную казнь шайки разбойников, грабивших караваны в окрестностях города. Главаря тогда приговорили к усекновению головы, прочим же грабителям досталась казнь попроще – через повешение. Находясь довольно далеко от эшафота, сержант не слишком присматривался к палачу, поэтому, со старательно скрываемым любопытством стал его разглядывать, оказавшись на расстоянии всего в пару шагов.

Телосложением ночной мастер был чем-то похож на матёрого кабана. Массивное бочкообразное туловище поддерживали короткие кривые ноги. Недостаточную для такой работы длину рук компенсировали широченные плечи, на которые была посажена, казалось, совсем

не имевшая шеи голова. Находясь у себя дома, он не надевал свой головной убор, и сержант мог видеть низкий покатый лоб палача и наголо обритую голову. Выдающаяся переносица придавала его лицу птичье выражение, и в какой-то момент начинало казаться, что глаза находятся где-то по бокам головы.

Палач и Виланд встретились как старые знакомые, разве что не обнялись и не обменялись рукопожатиями. Стражник назвал его по имени, Астором, и, представив сержанта, объяснил цель своего визита. Ночной мастер особого интереса к Ладвигу не проявил, но сержант всё же почувствовал себя не слишком уютно, когда взгляд холодных глаз скользнул по его груди и шее. Пытаясь мысленно убеждать себя, что каждый человек смотрит на других совершенно своему профессиональному навыку, Ладвиг постарался не вздрогнуть и с достоинством встретил взгляд палача.

– Вчера, значит. С перебитой шеей? – Переспросил ночной мастер. – Вроде бы есть такая.

«Ну вот, а кто-то из наших утверждал, что он немой, – подумал сержант, – хотя, при его работе голос не главное».

– А ты её осматривал? – Спросил Виланд.

– Осматривал. А чего интересуется?

– Особые приметы на теле есть какие-нибудь?

– Приметы... – палач поскрёб здоровенной пятернёй подбородок и задумался.

– Родимые пятна, шрамы от порезов или ожогов, – подсказал ему Виланд.

– Ну, от того, что она девицей померла, вам, наверное, проку мало. – Осклабился ночной мастер и разразился гулким противным смехом.

– Нам-то к чему знать эти подробности? – Брезгливо поморщился Ладвиг.

– Вам ни к чему, – продолжая смеяться, сказал палач, – а священнику знать положено, когда он заупокойную службу по убиенной проводить станет. Ему самому, что ли прикажете проверять?

Виланд укоризненно покачал головой и произнёс:

– Хватит смеяться, Астор! Мы тут с серьёзным делом. Как-то опознавать её нужно.

– Заново, что ли?

– Как заново? – Нахмурился стражник. – Кто-то уже приходил до нас?

– Ну да. Прямо перед вами заходил какой-то мужичонка. Я его в подвал и водил. Он её опознал, как полагается. Кузина, говорит. Погоревал немного, как положено. Спрашивал про вещишки – корзинку и ещё что-то. Так её без корзинки доставили. Я так ему и сказал.

– Давно ушёл? – Почти выкрикнул Ладвиг, с нетерпением поглядывая на Виланда.

– Я же говорю, прямо перед вами. Как вы в дверях-то не столкнулись.

– Как он выглядел? – В свою очередь спросил стражник.

– Да обычно. Хромал вроде немного.

– Это он саваны нёс! – Крикнул Виланд и устремился к выходу. – Я на улице посмотрю, а вы допросите могильщиков!

Ладвиг среагировать не успел и остался один на один с палачом, переключившим всё своё внимание на него.

– Чего это он? – Поинтересовался ночной мастер, задержав взгляд на шее сержанта.

– У вас служат хромые могильщики? – Спросил Ладвиг, понимая, что пора как-то заканчивать аудиенцию.

– Нет. Хромых не держим. Здоровые-то еле справляются.

– Тогда ловить нужно самозванца! – Сержант вежливо кивнул на прощанье и побежал вслед за Виландом.

Возле открытой настежь входной двери, на ворохе саванов сидел впусивший их могильщик. Отметив страдальческое выражение лица и прижатые к животу руки, Ладвиг, на бегу спросил:

– Ранен?

– Ручкой заступа ткнул, паскуда, – простонал в ответ могильщик и добавил: – к реке он рванул, пёс шелудивый.

Сержант выскочил на улицу, спускавшуюся в сторону Речных ворот и в сотне ярдов впереди себя мельком успел заметить плащ стражника. Виланд, не смотря на возраст, продолжал преследовать подозреваемого и успел удалиться на приличное расстояние. Ладвиг скорым шагом отправился следом, замечая, что на погоню уже стали обращать внимание прохожие, потянувшиеся к ближайшей церкви на утреннюю службу. Отслеживая, в какую сторону направлены взгляды зевак, сержант довольно быстро нашёл на набережной Виланда, склонившегося над зарешёченным колодцем возле самого уреза воды.

– Вроде хромой, а шустрый, как крысёныш, – сказал стражник, пытаясь заглянуть в тёмное нутро колодца. – Поддел костылём решётку и сиганул внутрь.

– А что это за колодец? – Спросил Ладвиг. – Почему-то совсем рядом с рекой.

– Вроде бы это система предотвращения подтопления нижних районов города. Я раньше служил в карауле у Речных ворот, поэтому немного наслышан. Если в реке внезапно повысится уровень воды, она будет уходить через такие колодцы. Куда должна сбрасываться вода, я точно не знаю, но, скорее всего не в ров. Там свои тоннели заполнения. Ими, конечно, уже несколько десятков длинных сезонов уже никто не пользовался.

– Что делать будем?

– Ждать его здесь бесполезно. – Сказал Виланд. – Выход наверняка не один.

Сержант подобрал камушек и бросил внутрь колодца, прислушиваясь к звуку падения.

– Неглубоко и, судя по звуку, сухо. Наведаемся в подземелье?

– Не самая лучшая идея, Ладвиг, – покачал головой стражник. – Никого мы там поймать не сможем, зато перемажемся, ещё хуже, чем трубочисты.

– Прошлой ночью один из стражников слышал, как по заросшему рву тайно перемещались какие-то люди. Он, куда мог, проследил их путь и обнаружил несколько ниток из одежды и куриные пёрышки. Думаю, эти люди не зря использовали именно ров. Если, как вы говорите, Виланд, тоннели для заполнения рва водой проходимы, то их вполне можно использовать для секретного входа в город. У нас есть шанс уже сегодня найти канал снабжения Энгельбрука контрабандным золотом. Вы же не будете отрицать, что хромой не просто так интересовался вещами убитой?

– Всё это верно, Ладвиг, но зачем соваться под землю прямо сейчас, без всякой подготовки?

– Хорошо. Совсем недалеко отсюда район плотницких мастерских. Наберём у них горючих отходов производства для факелов и вернёмся.

– Вижу, что тебя не переупрямить, – вздохнул Виланд. – Сходи тогда, поищи что-нибудь вместо факелов, а я сделаю запасы питьевой воды. Совсем худо, когда горло промочить нечем.

Сержанту не пришлось мастерить средства для освещения из подручных материалов. В одной из мастерских его снабдили дюжиной готовых факелов, горючая часть которых состояла из пропитанной смолами тряпицы, несколько раз обёрнутой вокруг дровяного бруска. Виланд принёс пару больших походных фляг и, судя по запаху из холщовой сумки, переброшенной через его плечо, успел запасти что-то съестное.

– Мы можем спуститься под землю в другом месте, Ладвиг. Возле самых Речных ворот, за караулкой есть такой же колодец. В бытность моей службы в том карауле, из команды золотарей постоянно сбегали нищие. Они хорошо знали эти колодцы и через них несколько раз ускользали от охранников. Мне что-то не хочется здесь развлекать прохожих. Служба уже заканчивается, и сейчас из церкви повалит народ.

– Я согласен, пойдёмте.

Прочитав приказ Магистрата, вахмистр не стал ни о чём спрашивать, ни дознавателя, ни его помощника. По распоряжению начальника караула двое дюжих стражников сняли решётку, а ещё один опустил в колодец шаткую деревянную лестницу.

– В ад со всеми удобствами, – пробормотал Виланд, наблюдая, как Ладвиг спускается с зажжённым факелом вниз.

Сержант услышал и бодро произнёс:

– Если будет нужно, то допросим и чертей! Вахмистр, оставьте пока лестницу в колодце. Возможно, мы будем возвращаться тем же путём.

Ладвиг снял одну ногу с последней ступеньки лестницы и несколько раз топнул. Подошва ботинка встретила сухой песок и мелкий мусор, видимо занесённый сюда ветром. Высота стенок колодца составляла никак не меньше четырёх ярдов, дальше он под прямым углом поворачивал в противоположную от реки сторону. Сержант присел на корточки и сунул факел в горизонтально идущую трубу, диаметр которой не превышал пяти футов.

– Виланд! Спускайтесь! Похоже, эта труба сообщается с более просторным помещением.

Ладвиг стал осторожно продвигаться вперёд, стараясь не цеплять головным убором потолок, на котором оставались следы копоты от его факела. Вскоре он выбрался из трубы и действительно смог встать в полный рост. Следом за ним, побряхтывая, вылез стражник, волоком тащивший за собой торбу с припасами.

– Подними-ка повыше факел, Ладвиг... – Он немного помолчал, разглядывая потолочный свод. – Ясно. Это центральный коллектор водоотводной системы. Проложен вдоль реки и тянется до самых Речных ворот. Мы зашли сюда через предпоследний колодец.

– Значит, нам в ту сторону. Вы помните, в какой из них прыгнул наш хромоногий друг?

– Да. Нам нужен третий, считая от нашего, колодец.

– Пойдёмте, – сержант первым двинулся вперёд.

Коллектор представлял собой выложенную из камня трубу, раза в три большего диаметра, чем та, по которой они сюда попали. Дно его покрывал высохший речной ил вперемешку с песком. Судя по количеству наносов, водоотводная система использовалась не так уж часто. Ладвигу приходилось слышать от старожиллов, что иногда уровень в реке поднимался до критических отметок, но город не затапливало никогда.

– Вон, светлое пятно слева виднеется. Оно похоже на устье такой же трубы, что соединяет колодец с коллектором. – Предположил Виланд.

– Да, действительно. Это первый. Идём дальше.

– Постой, Ладвиг. Посвети мне вот сюда, вдоль стены.

Сержант приблизил факел к тому месту, на которое указал помощник.

– Что именно вы заметили, Виланд?

– Видишь ямки? Это похоже на след от костыля. Вон там ещё одна ямка... Посвети чуть дальше... И там тоже. Негодяй прихрамывал на левую ногу и очень ловко помогал себе костылём. Этот хитрец здоровую ногу ставил на камень, вот следов от неё и нет. Следы пытался скрывать. Пройдоха чувствовал, что погоня не ограничится улицами города.

– Получается, мы двигаемся ему навстречу?

– Да. Повернём обратно и двинемся по следам. Наблюдай за ямками от костыля.

В обратном направлении они прошли всего несколько шагов. Расположенные на равномерном расстоянии друг от друга ямки исчезли и больше не встречались, как бы тщательно ни осматривали следователи дно возле стенки коллектора.

– Видно, произошло чудо исцеления, – съязвил сержант.

– Хромой обрёл благодать и дальше полетел по воздуху, – подхватил его мысль стражник. – Если бы он вдруг выздоровел, то стал бы оставлять гораздо больше следов. Невозможно опираться обеими ногами на вогнутую стенку, не помогая себе при этом костылём. А ямок от него больше нет...

– Куда же он делся?

– Костыль, или хромой?

– Оба.

– Я немало повидал, Ладвиг. Может быть, чудеса и бывают, но я слишком недоверчивый человек. Представим, что хромой, шедший вдоль по течению реки, и, держась правой стенки коллектора, вдруг решил переместиться к стенке противоположной.

– Допустим...

– Тогда он, скорее всего, просто прыгнул туда. Здесь не так уж широко. Даже если где-нибудь посредине и остались какие-то отпечатки...

– ...то мы с вами, Виланд, их уже затоптали.

– Пожалуй. Посвети теперь на противоположную стенку.

Сержант приблизился с факелом к левой стене коллектора и принялся осматривать слой сухих наносов, в надежде отыскать следы хромого.

– Никаких отпечатков, ни от ног, ни от костыля. – Разочарованно произнёс Ладвиг.

Стражник задумался и стал рассуждать вслух:

– Он понял, что следом за ним мы не полезем... Попад сюда, мы первым делом направились в сторону нужного нам колодца... И следы мы сразу искать не пытались... Чтобы сильнее нас запутать, он мог вернуться, но уже не вдоль стенки, по центру... Дойдя до нужного колодца мы всё равно затоптали бы эти следы...

– ...прежде чем обратили бы на них внимание.

– А у нас неплохо получается думать вдвоём, Ладвиг.

– Бросьте, Виланд, что бы я без вас делал. Ну, что, дойдём до третьего колодца?

– Дойдём. Других вариантов нет.

Отпечатки ног хромого отыскивались сразу же, как только преследователи продолжили свой путь с того места, где отвлеклись на ямки от костыля. Таким образом, версия, выдвинутая Виландом, подтвердилась полностью, а следы, как и ожидалось, привели к третьему колодцу.

– Петлю сделал, – отметил стражник. – И времени на это не пожалел.

– Он так и так оказался в выигрыше. Чтобы распутать его хитросплетения, времени у нас ушло ещё больше. Или, – сержант задумался, – всё могло быть гораздо проще. Мы не слишком таились, когда спускались сюда и могли спугнуть хромого. Он же не знал, наверняка, через какой колодец мы полезем, а когда обнаружил, то понял, что первоначальный план не удался и повернул назад. Возвращался он в спешке, и следы путать уже не стремился.

– Твоё объяснение мне нравится больше. Что там со следами дальше по коллектору? Не видно?

– По центру не видно. Расширим круг поисков. – С этими словами Ладвиг стал медленно продвигаться к противоположной стенке коллектора, внимательно рассматривая дно.

– На наше счастье, летать он действительно не научился. Смотрите, Виланд, здесь хромой прыгнул с середины на противоположную от колодца сторону и продолжил свой путь вверх по течению. Очень старался не наступать на край, нанесённого рекой слоя ила. Вот здесь всё-таки оступился и помог себе костылём.

– Да, те же ямки. Пойдём за ним.

Следы привели к небольшому отверстию в стенке коллектора на высоте двух ярдов от уровня дна. Виланд внимательно осмотрел дыру, потрогал каменную кладку арочного перекрытия и даже принюхался.

– Канализацией пахнет, – сказал он, – чуешь?

– Согласен, но запах очень старый и почти выветрился. Как думаете, откуда идёт эта труба?

– Трудно сказать. Наверное, какой-то дренаж для борьбы с переполнением канализации. Возможно, отводит избыток дождевой воды. Во всяком случае, для постоянного слива нечистот труба не использовалась. Что-то не хочется туда лезть...

– Большого выбора нет. Жаль, что передвигаться можно только ползком, и в полной темноте. А то факел будет мешать.

– Хочется надеяться, что хромой не заведёт нас в ловушку.

– А мы осторожно. Подержите пока факел. – Ладвиг подпрыгнул и ухватился за карниз, окаймлявший верхний край отверстия. Подтянувшись на руках, сержант нащупал ногами неровности стенки коллектора. Найденная опора помогла отпустить руки и пролезть до пояса в не слишком широкую трубу. Забравшись туда целиком, Ладвиг кое-как развернулся боком, для чего пришлось сложиться чуть ли не пополам, и сказал:

– Давайте вашу торбу, Виланд. Хорошо. Теперь хватайтесь за мою руку.

– Подожди, я лучше сделаю это без меча. – Стражник снял перевязь, затем плащ, и после этого воспользовался предложенной помощью.

По команде Виланд подпрыгнул, а крепкая рука сержанта подняла его вверх и забросила в трубу.

– Как бы нам не застрять здесь, Ладвиг. – Сдавленно пробормотал притиснутый к сержанту стражник.

– Ничего, выберемся. Вы в порядке?

– Да. Моя голова чудом разминулась с карнизом. Я забрался почти целиком. Руку можешь отпустить.

– Хорошо. Начинаем движение. Старайтесь не подставлять голову под мои башмаки.

Труба имела слабо выраженный уклон вверх, но ползти по ней это не мешало. Следователи уверенно продвигались вперёд, не прилагая значительных усилий. Запах нечистот усилился, хотя в трубе по-прежнему оставалось сухо и относительно чисто. Помня опасения Виланда по поводу ловушек, Ладвиг пальцами тщательно обследовал поверхность перед собой, прежде чем проползти ещё пару футов. В какой-то момент его рука нащупала пустоту – часть кладки отсутствовала и в стенке трубы зияла большая дыра.

– Что случилось, Ладвиг? Почему мы остановились? – Послышался сзади голос стражника.

– Дыра в трубе, – ответил сержант, продолжая исследовать края провала. – Жаль, факел не зажечь, неудобно.

– Это ловушка?

– Не похоже. Если прижаться к левой стенке, то дыру можно легко миновать. Сейчас опущу туда руку и попытаюсь узнать побольше. – Ладвиг сопровождал свои слова действием. – Ничего не могу нащупать... Хотя, нет... Вертикальная деревянная балка... Вот ещё одна...

– Лестница?

– Точно! Не сообразил в темноте. Оставайтесь на месте, Виланд, я попробую спуститься вниз.

Ответом ему был тяжёлый вздох, но возражать стражник не стал, бороться с энтузиазмом сержанта ему было трудно.

В какой-то момент Ладвигу показалось, что это просто две вертикальные балки. Перекинув через край провала одну ногу, он стал осторожно спускаться вниз. Страхуя себя руками, сержант пытался нащупать перекладину лестницы, но ничего не находил.

«Как же хромой здесь проходил? – Мелькнула в его голове мысль, – может и вправду, нам подстроили западню?»

Интуитивно сержант чувствовал, что он на верном пути, но действует не совсем правильно. Перестав искать перекладину, он переместил ногу к одной из балок и принялся обследовать её поверхность.

– Вот же хитрый пройдоха!

– Что там, Ладвиг?

– Представляете, Виланд, с лестницы снята самая верхняя перекладина! Место для неё есть, а самой перекладины нет. Чем не ловушка?

– Слишком просто для ловушки. Обычная в подобных случаях предосторожность. Тем более что перекладина у хромого всегда при себе.

– Ах, да! Костыль... А что бы использовать для этих целей нам?

– Давайте попробуем факел. Древко должно выдержать вес человека, лишь бы длины хватило.

– Хватает! Как раз хватает! Я спускаюсь.

– Храни тебя Боги, Ладвиг...

Сержант встал на импровизированную перекладину – древко факела выдержало. Потянувшись ногой вниз, он сразу же попал на следующую ступеньку лестницы. Дальнейший спуск проблемы не составил – все перекладины оказались на месте и были надёжно закреплены.

– Я внизу! – Сообщил сержант. – Сейчас будет освещение.

Запалив факел, он оглядел помещение, начав с того места, где стояла лестница. Высота потолков довольно просторного помещения составляла не менее четырёх ярдов. Несколько каменной блоков, из которых была выложена стена каземата, оказались вынуты из своих мест. Среди лежавших под лестницей камней нашлись блоки, составлявшие ранее стенку трубы, на них явственно виднелись следы ударов кувалдой или ломом. Кто-то намеренно создал проход между дренажной трубой и этим помещением.

Ладвиг посветил себе под ноги – плотно пригнанные между собой тяжёлые плиты не имели ни уклона, ни желоба, а значит, для слива не предназначались. Сержант прошёлся по каземату, надеясь обнаружить выход, ведь такие помещения должны были как-то сообщаться с другими подобными сооружениями. В одной из стен нашёлся проём, забранный толстой металлической решёткой. Судя по слою ржавчины на петлях, последний раз эта дверь открывалась задолго до рождения Ладвига. За решёткой виднелся узкий коридор, чтобы увидеть, насколько далеко он тянется, освещения было недостаточно. Сержант прошёл вдоль стены до следующего угла, и факел высветил какой-то странный механизм, с первого взгляда, напомнивший устройство, приводящее в действие подъёмный мост. Но это только на первый взгляд. Механизм оказался гораздо сложнее и сочетал в себе несколько рычагов и колёс разного диаметра.

– Нашлось что-нибудь интересное? – Стражник выглянул из дыры в трубе.

– Спускайтесь вниз, Виланд. Здесь есть на что взглянуть. Я сейчас подойду с факелом.

– Что вы думаете об этом устройстве? – Спросил сержант, показывая на странный механизм.

– Ничего определённого, – признался стражник. – Поясняющих надписей нет, или они не сохранились. Такое устройство может управлять потайными дверьми или, скажем, шлюзами системы подачи воды.

– Подачи воды куда?

– А кто его знает... К примеру, для заполнения крепостного рва. Последнее даже более вероятно, ведь мы всё ещё находимся недалеко от реки. Я не удивлюсь, если на всём пути, который проходит вода, таких казематов, окажется несколько.

– Механизм выглядит гораздо лучше, чем найденная мною дверь.

– Которая? – Виланд увидел решётку и, подойдя к ней, взялся за один из толстых прутьев. – Да. Этим путём нам не выйти.

– Хромой как-то сумел отсюда уйти.

– Раз есть проход, значит, он непременно сюда заходил? – Спросил стражник и сам себе ответил: – Не обязательно. Пролез по трубе дальше и был таков.

– Что-то мне подсказывает, что он прошёл здесь. – Не совсем уверенно произнёс Ладвиг. – Каземат не подходит на роль убежища, где можно отсидеться, иначе мы бы наверняка нашли постель и припасы. Да и слишком близко он от коллектора, чтобы устроить здесь лёжку. Я больше чем уверен – хромой знает ещё, как минимум, один выход отсюда.

Сержант прошёлся вдоль стен, осмотрел углы помещения и пол на предмет скрытых люков.

– Кстати, Ладвиг, обрати внимание на пламя своего факела. Гляди, как оно колеблется, а, ведь ты сейчас находишься далеко, как от лестницы, так и от коридора.

– Точно. – Сержант сделал несколько шагов и нашёл место, где тяга ощущалась более всего. Он поднял факел повыше и сказал: – Смотрите, я не сразу заметил скобы на стене прямо над механизмом. А вот и отверстие в потолке.

– Отверстие есть, – согласился стражник, – но, чтобы добраться до скоб, нам придётся использовать для опоры вот эти колёса. Как бы ни включить чего лишнего...

– Я сейчас попробую их покрутить. – Ладвиг взялся за рукоятки на ободе одного из больших колёс с толстыми деревянными спицами и попытался провернуть. – Надо же, крутится...

– Осторожнее! Это не игрушки! – Испуганно крикнул Виланд.

– Нашёл! Рычаг служит для блокировки, сейчас зафиксирую в одном положении обод и поднимусь наверх.

Сержант встал на ось колеса, переступил на обод, воспользовался другим колесом поменьше и легко добрался до торчащих из стены скоб.

– Крепкие. Я поднимусь, разведу обстановку. Никуда не уходите без меня Виланд.

– Приятно, что у тебя не испортилось настроение в этих подземельях. Когда я был в таком же возрасте, то совсем по-другому относился к жизни. А теперь, я не слишком люблю подобные места. Они начинают напоминать мне склепы...

– А я чувствую себя каким-то барсуком, – пробормотал Ладвиг, протискиваясь в тесное отверстие. – И чем дальше лезу, тем сильнее сужается нора.

Он выбрался на зажатую с трёх сторон стенами крохотную площадку с низким потолком, и сразу же обнаружил под ногами ступеньки уходящей вниз каменной лестницы. Сержант на ощупь спустился на несколько ступеней и когда смог выпрямиться в полный рост, зажёл очередной факел. Лестница оказалась короткой и вывела его к неширокому вытянутому помещению, напоминавшему, скорее коридор, чем очередной каземат. Свернув направо, Ладвиг очень быстро упёрся в тупик, не найдя там ничего интересного.

Единственным, что смогло привлечь его внимание, оказался нацарапанный на стене рисунок из нескольких пересекающихся между собой прямых и дугообразных линий. Кто-то использовал острый инструмент, чтобы оставить на поверхности каменных блоков, в паре футов от пола, неподвластные времени следы. Бесцельно поведя пальцем по линиям, сержант вернулся к лестнице и пошёл дальше по коридору в другую сторону. Увлёкшись разглядыванием стен, в поисках каких-нибудь обозначений, он чуть не упал, споткнувшись о странную выпуклость пола, пересекавшую коридор по всей его ширине. Пол здесь был выложен из небольших плиток, поднимавшихся в этом месте так, словно это окаменела речная волна, готовая вот-вот накатить на берег.

Пройдя чуть дальше, в паре ярдов от первой «волны» Ладвиг заметил вторую, а затем и третью. На её поверхности и нашлась разгадка этого странного сооружения – в полу зияла дыра, достаточная для того, чтобы туда мог свободно пролезть человек. Сержант посветил в отверстие факелом и понял, что каменная «волна», выступавшая над полом коридора, это верхняя часть большой трубы. Оценить её диаметр на глаз было непросто, но, скорее всего, внутри можно было стоять в полный рост. Сразу же за третьей трубой коридор заканчивался очередной решёткой, не менее ржавой, чем ранее найденная в каземате.

– Поднимайтесь, Виланд, – позвал сержант, вернувшись к началу лестницы. – Я нашёл выход отсюда. В нашем случае, единственный.

– Когда выход есть – это радует, а вот когда он оказывается единственным – это плохо. – Сказал стражник, хватаясь за скобы в стене.

– Чем же?

– Мы с тобой приняли правила игры, даже не удосужившись их изучить. – Назидательным тоном произнёс Виланд. – Пока нам везёт. Надеюсь, что так будет и дальше. Но ловим мы тех, кто гораздо лучше знает эти подземелья. Как бы из охотника не превратиться в дичь...

– Хандра изрядно подточила вашу уверенность. Мы достаточно осторожны, и впредь будем вести себя так же. – Попытался подбодрить его сержант.

– Не люблю я, когда всё складывается слишком гладко. Перед грозой бывает затишье...

– Бросьте, Виланд. – Поморщился Ладвиг, которому стало порядком надоедать нытьё бывшего вахмистра. – Удача любит уверенных и смелых! Пойдёмте, я покажу вам то, что смог здесь найти.

Стражник заглянул в трубу, пожал плечами и сказал:

– Диаметр приличный. Судя по глубине залегания, не для канализации, это точно. Больше ничего сказать не могу.

– Там и разберёмся, – беспечно сказал сержант и спрыгнул вниз, подняв целое облако пыли из частиц сухого речного ила.

Выпрямившись, он обнаружил, что его голова почти вровень с верхним краем пролома, а значит о том, чтобы идти по трубе в полный рост, придётся забыть.

– Сверху казалась более просторной, – посетовал Ладвиг, пригибая голову. – А тут ходить, можно только согнувшись.

– Шлемы, наверное, лучше снять, – предложил последовавший за сержантом Виланд. – Иначе действительно будем двигаться только в полупоклоне. Ты-то уж точно...

– Давайте попробуем... Нет, всё равно не помещаюсь во весь рост. Придётся ноги в коленках не разгибать... Неудобно-то как... – Ладвиг вытянул вперёд руку с горящим факелом, оказавшимся под самым сводом трубы, и сделал несколько шагов вперёд.

– Может, имеет смысл сначала разведать путь в обратном направлении, в сторону реки, – не слишком настойчиво предложил Виланд.

– Время только потеряем, – отмахнулся сержант. – Ну, выйдем мы к шлюзам, или другому каземату, а дальше что? Думаю, что наша задача – найти подземный путь до другого конца города. Я уверен, что где-то в старом крепостном рву у контрабандистов есть потайной ход. Искать его снаружи – дело почти безнадежное, а так у нас есть шанс.

– Ну, шанс, так шанс.

Ругаясь сквозь зубы на низкий свод, Ладвиг продолжил свой путь, но что-то на дне трубы привлекло его внимание:

– О! Да здесь народу ходит больше, чем на рыночной площади – истоптано всё, куда ни глянь.

– Вот и следок знакомый, – подошедший Виланд указал на отпечатки костыля. – А я, признаться, не верил, что так мы на их тайную тропу сможем выйти.

– Я же говорил, что нам повезёт, – самодовольно ухмыльнулся Ладвиг. – Поймаем и возьмём за жабры.

Следователи бодро двинулись вперёд, вынужденно мирясь с не совсем обычным способом передвижения. Виланд был ниже ростом и не особо страдал от недостатка свободного пространства над головой. А сержант, то наклонялся, пригибая голову, то пытался идти на полусогнутых ногах, но удобного для себя положения так и не нашёл.

Ярдах в десяти-двенадцати от пролома труба круто изгибалась вниз под большим углом. В твёрдом камне, видимо для удобства местной публики, были выбиты несколько уступов.

Судя по обилию следов, обитавшие здесь люди очень часто пользовались этим путём. Уступы сделали спуск вполне комфортным, в противном случае, пришлось бы прыгать вниз с высоты в полтора человеческих роста. Дальше, насколько хватало света факела, дно трубы было идеально ровным.

– Надо же, – ворчал стражник, – как голытьба разная тут обжилась. Этак, глядишь, целый подземный город отыщется.

Шедший впереди Ладвиг остановился и приблизил факел к стене:

– Стрелка. Указывает вперёд, как будто здесь можно куда-то свернуть.

– Разрешите полюбопытствовать, – Виланд внимательно изучил изображение и сказал: – В трубе просто так направление указывать глупо. Значит, пометка с секретом. Не зря её про-
царапывали так старательно.

– Ерунда, – произнёс не впечатлённый мастерством камнереза сержант, – вот в коридоре, через который мы сюда попали, ещё не такое на одной из стен было выбито.

– А мне, почему не показал?

– Ничего интересного я там не увидел, – пожал плечами Ладвиг. – Надо думать, на рисунке были отмечены проходы и трубы. Без знающего человека, в схеме всё равно не разобраться.

– Не разобраться, говоришь. Как сказать... – Негромко проговорил Виланд, пристально рассматривая стрелку. – Смотри. Две чёрточки верхние, с оперением стрелы схожие, могут сойти за тот самый изгиб трубы, который мы только что миновали. На древке «стрелы», если приглядеться, видны несколько поперечных зарубок на равном расстоянии друг от друга. Всего их пять.

– И что это вам дало? – Не без издёвки в голосе поинтересовался Ладвиг.

– Пока ничего. Жаль, что я не видел той схемы.

– Сначала возьмём кого-нибудь в плен, а потом заставим давать пояснения. И не надо будет голову ломать.

– Не торопись. Смотри сюда. Наконечник «стрелы» ничего не напоминает?

– Напоминает, – немного подумав, ответил сержант. – Криво нарисованную лежащую на боку корону.

– Вот! – Виланд торжествующе улыбнулся и поднял вверх указательный палец.

– Ну и что?

– Тебе никогда не доводилось видеть, как крестьяне земельные наделы меряют? – Увидев, как Ладвиг отрицательно покачал головой, он продолжил: – Я так и думал. Ярды для этого слишком мелкая мера, а футы и подавно. Поля в рутах измеряют. Рута – она разная бывает, а самая большая называется королевской. Целых тридцать футов. Если я правильно мыслю, то стрелка на что-то указывает. И находится оно в пяти королевских рутах от того места, где труба изгибается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.